

Ирина Павлычева

МЕЖ ТРОНОМ И ПЛАХОЙ

Исторический роман

Ирина Николаевна Павлычева
Меж троном и плахой.
Исторический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30796761

ISBN 9785447431709

Аннотация

В два с небольшим года российский трон сменяет трёх монархов. Противостояние, подспудное соперничество, тайный накал страстей захватывают всех приближённых. Борьба за власть одинаково приближает и к трону, и к плахе.

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	19
Глава V	24
Глава VI	28
Глава VII	36
Глава VIII	41
Глава IX	45
Глава X	49
Глава XI	57
Глава XII	62
Глава XIII	67
Глава XIV	71
Глава XV	74
Глава XVI	77
Глава XVII	83
Глава XVIII	86
Глава XIX	91
Глава XX	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Меж троном и плахой Исторический роман

**Ирина Николаевна
Павлычева**

© Ирина Николаевна Павлычева, 2017

ISBN 978-5-4474-3170-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Конец. В те дни это слово у многих витало в голове. Санкт-Петербург был сам не свой, его напряжение, которое, казалось, давно достигло предела, продолжало нарастать. В церквях все усерднее молились за здоровье государя императора, но надежда на его выздоровление убывала и убывала. Великий Петр мог в любую минуту оставить бранный мир. Город об этом знал, и его лихорадило. Мудрено ли? После сорока с лишним лет царствования!

По набережной от дворца к своему дому неся князь Меншиков. Его ни с кем нельзя было спутать: других таких роскошных саней и лошадей в Санкт-Петербурге не имелось. Из-под копыт летели комья, полозья поднимали снежные фонтаны, но зрелище вызывало не восхищение и трепет, как обычно, а волнение и уныние. Светлейший торопился и нервничал – значит, изменений к лучшему нет...

Меншиков, несколько дней неотлучно пробывший с Петром, направлялся домой хоть немного перевести дух: надо было сосредоточиться и подумать.

Лошади остановились, навстречу князю во множестве бежали лакеи, денщики, дежурные офицеры, но отмахиваться ему не пришлось. Им сразу стало ясно, что без крайней необходимости к нему лучше не приближаться. Ни на кого не глядя, светлейший прошел к себе.

– Конец, – сказал он своей жене, вышедшей его встретить. – Конец Петру – и нам конец, Дарьюшка.

Он грузно упал в кресло, поднял глаза на Дарью Михайловну. И тут что-то, то ли ужас и отчаяние на лице жены, то ли собственные его слова, зависшие в воздухе, то ли мысль, промелькнувшая у него в голове, а может, все вместе взятое, вдруг заставило его встрепенуться, приосаниться и даже, вроде, повеселеть.

– О, Господи! Да не пугайся ты столь сильно! От расстройства я так сказал. Петр плох. Но раз я, видишь, даже передохнуть приехал, значит, пока еще не...

Дарью Михайловну, как живой водой впрыснули, перебив мужа, она заторопилась:

– Не лучше ему, говоришь? А Екатерина-то как? Тяжко ей! Ой! Как тяжело...

– Еще бы, – перебил ее муж с такой странной интонацией, что по спине пробежал холодок. Снова заговорить ей Меншиков не дал: – Ты, вот что, свет мой, пошла бы к себе. Мы потом все обсудим. А пока мне надо отдохнуть, да умом пораскинуть чуток, – с этими словами он мягко подталкивал ее к дверям и столь же мягко закрывал их за ней.

– Надо бы поразмыслить, – сказал он сам себе, – Да некогда – действовать пора. Эй! Кто-нибудь! Никогда не дозовешься, – последнее адресовалось к мгновенно влетевшему денщику. – Спишь на ходу, как всегда! Так вот, милейший, развернись в кое веке раз, чтобы быстро нарочных к Бутур-

лину, Толстому, Бассевичу, Макарову, Девиеру, разыскать хоть из-под земли и просить немедленно ко мне. Ступай!

В открытую денщиком дверь снова просочилась Дарья Михайловна:

– Батюшка, Александр Данилыч, вот ты говоришь не лучше Петру, и всякое может случиться, так что теперь будет? Я и помыслить не могу! Сколько себя помню – он на престоле.

За ним вся Россия, как за каменной стеной. Как без него-то?

– Как, как – худо!!! И нам в первую очередь.

– Бог милостив, может, сжалится...

– Ах, матушка, как хотел бы я того, право!!!

– Надо думать так и будет.

– Надо жаждать, чтоб так было, а думать приходится о разном.

– Господи, прям, голова кружится. Случись что с Петром, на престол Петруша встанет, должно быть?

– Вот этого как раз быть не должно! Мал он, ребенок...

– Мал-то мал, десять годков будет, кто скажет велик, но он – внук Петра. По мужской линии никого нет ближе...

– Петра он внук, а сын кого, ты не припомнишь ли? Ах, помнишь! Его Высочества Царевича Алексея, которому я один из первых смертный приговор подписал. Нет, на престоле быть Екатерине!

– Послушай, друг мой, ты сам знаешь, к Екатерине я всей душой, мы с молодости с ней... да тебе ли мне рассказывать, НО – женщина она! Как на престол?! Да если б только это!

В народе, в людях, ее не любят. Для них она – иноземка. Терпели только из уважения к Петру. А не то давно б такие интриги сплели, не приведи Господь.

– Ой, ли? – без интереса бросил Меншиков, который предпочел не тратить больше время и силы на выпроваживание дорогой супруги и успешно размышлял о своем под ее мерные рассуждения. А ей многого и не требовалось:

– Конечно. Вон насчет Монса сколько времени крепились, а все ж нашли способ донести, решились-таки.

– Да, подвела нас, матушка Екатерина Алексеевна!

– Нас-то что, а вот себя подвела. Сдался ей этот Монс! Хорош собой, спору нет, но нечто он Петра стоил.

– Подвела, подвела, – тянул себе под нос Меншиков, перебирая в голове ходы.

– Ты, смотри, не вздумай при случае ее корить, – испугалась Дарья Михайловна, – она и так за это претерпела сверх меры. И катал-то он ее мимо Монсова тела, на позорище выставленного, и голову-то его заспиртовал и в ее покоях держал. Сколько же ей нужно мужества было иметь, чтобы все вынести и не сморгнуть.

– Не сморгнуть! – передразнил светлейший, – сморгнула бы, сама, глядишь, без головы осталась. И теперь ей моргать не приходится. Мужа загубила – надо хоть себя, да дочерей спасти... не проморгать.

– Ты на что-то такое намекаешь, чего я и понимать не хочу.

– Тут тебе понимать ничего не надо, потому что ты и так знаешь: из-за нее Петр помирает. Верил он ей безгранично, пожалуй, только ей одной так и верил, и вдруг осознает, что она его за нос водила, как заблагорассудится, причем, не один день. Думаешь, захочется дальше жить после этого, иль, по-твоему, проходить чуть не с час по пояс в ледяной воде, не самоубийство? Особливо, когда все лекари давно упреждали, что ему простужаться заказано? Нечто ты мнишь, что кроме него, там и впрямь некому было ту треклятую баржу с мели снять?! Да полно, что теперь. Ты, душа моя, вот что, скажи-ка лучше, как дети наши, здоровы? – решил Меншиков перевести разговор.

– Слава Богу, слава Богу! А Машенька так просто окрылена, вся светится. Видать, ей жених очень по сердцу пришелся!

– Граф Сапега-то? Еще бы, хорош, богат, знатен, притом, молод и весел! Хотя, – перебил он сам себя, – Хотя, как знать, может, и кого получше, отец со временем подыщет, ведь под венец не завтра, так я говорю?

– Да полно тебе, экий ты неумный, вечно тебя разносит!

– Разносит и отлично! – подхватил светлейший. – Будем и дальше скорость набирать, главное поводья крепко держать, и все пойдет, как надо.

Дарье Михайловне был не совсем понятен столь неожиданный вдохновенный подъем мужа в такой тревожный, зыбкий час. Вернее, в глубине души она прекрасно догады-

валась, что к чему, но пугаясь своей догадки, не хотела превращать ее в мысль, удерживала в глубине сознания, не давая облечься в слова. При этом она ощутила опасение и неприятие настроения своего мужа и одновременно бессилие его остановить. В результате ее протест выразился крайне косвенно.

– А по мне выбрали хорошего жениха, так выбрали. И конец. И нечего больше мудрствовать.

– Конец?! Никакого конца! Скорее начало! Начало!!! А мудрствовать, ты права, – нечего. И вот что, матушка, пойди бы тебе к детям, да по хозяйству, чай, есть, чем распорядиться? – опять провожал Меншиков жену к двери. – Дай-ка ручку тебе поцелую и ступай, сердце мое, ступай, с Богом... Меня, пожалуй, не тревожь боле, мне делом в пору заняться. Дел-то грядет много...

Оставшись один, Александр Данилыч было присел, чтобы подумать, но понял, что все уже продумано и решено.

– Итак, конец должен обернуться началом! – решительно проговорил он. – Снова начало? Что ж – я готов.

В эту минуту постучали в дверь.

Глава II

Меншиков не спешил ответить на стук. Он шел на трудное дело, и ему требовалось еще несколько мгновений окончательно собраться с мыслями, чувствами и волей. Наконец, он подал голос:

– Ну что там?

В комнату вошел денщик:

– Ваша светлость, прибыл майор Бутурлин. Прикажете звать?

– Зови, только прежде скажи, что остальные?

– Нарочные вернулись: граф Бассевич и граф Толстой обещались быть с минуты на минуту, господин Макаров велел извиниться и объяснить, что отлучиться никак не может, господина Девиера пока не разыскали.

– Макарова больше не тревожить, передать, что я потом сам буду во дворец, тогда и переговорю с ним, Девиера можно не искать, разве что, позже. Ну, зови Бутурлина.

Бутурлин едва не вбежал. Вид у него был не на шутку встревоженный:

– Батюшка Александр Данилыч, ваша светлость, здравствуй! Печаль какая! Ждали ли, гадали!

– Здравствуй, брат, здравствуй! Печаль не то слово, грядет беда, гибель, не дай Бог!

– Надежда есть ли? – совсем упал духом Бутурлин.

– По чести сказать, мало, поэтому я и просил тебя приехать. С государем теперь все может случиться в любой момент. А гарнизон и войска уж за шестнадцать месяцев жалования не получали. Если будет Божья воля призвать государя к себе, выйдет, что умрет он должником перед своими подданными. Ему сейчас тяжело, ни до чего. Мы же с тобой позаботиться должны, чтобы не допустить подобного. Займись-ка. Ты знаешь, куда, к кому, как надо обращаться. Ссылайся на меня.

– Все сделаю.

– И не тужи, сегодня ж.

– Батюшка Александр Данилыч! Неужто столь он плох?

– Трудно судить, а в порядок все привести не грех. И вот еще. Мы много войск на разные работы разослали. Как думаешь, не след ли их вернуть?

– Вернуть-то можно...

– И я думаю, – подхватил Меншиков, которому было не досуг выслушивать рассуждения Бутурлина и в то же время хотелось создать впечатление, что решения у них возникают в процессе совместного размышления. – Вернуть бы надо всех. В такой-то час, пусть лучше молятся за императора. Да и спокойней в столице станет.

– Верно, князь, верно. Тогда б мы могли и стражу удвоить на местах.

– Да, – продолжал Меншиков излагать свой план. – И по улицам не плохо бы было пустить небольшие отряды

пехоты, пусть бы прохаживались, в предупреждении волнений. Сим тож займись. Вели немедля разослать указы, чтоб были здесь на раз. Усиль охрану.

– Сию минуту сделаю.

– Скажи мне только, как твои гвардейцы?

– Тебе известно, ваша светлость, они Петра до обожания любят. Молятся, скорбят.

– Кто, думают они, престол наследует?

– Они еще надеются на выздоровленье государево.

– А все же?

– Со старшими офицерами я перемолвился... Все государыню жалеют и дочерей царевен.

– А нас что ждет?

– Ой, и не говори, князь, дурно дело.

«Вот они, военные, никакой инициативы», – проворчал про себя Меншиков, а вслух добавил:

– Не узнаю тебя! Ты что ж, готов покориться? Противникам Петра отдать Россию? Чтоб все, что делали мы, прахом стало?

– Ведь женщина она, к тому же иноземка!

– Заладили! Но рад: хоть понимаешь, как и я, что сейчас только она могла бы на престоле продолжать святое дело мужа, если, конечно, преданные ему люди, как ты, да я, поддержат.

– Я готов, в полку своем уверен.

– Видишь! Делай, о чем договорились, да будь поближе.

А сейчас, если хочешь, можешь идти с Богом.

– Пойду. Прощай, князь, располагай мной.

– Ступай, ступай, забот у тебя немало.

Вот уже сани Бутурлина отъехали, а ни Бассевич, ни Толстой не появились. В их заинтересованности Меншиков не сомневался, поэтому задержка вызывала у него не беспокойство, а скорее нетерпение и легкое раздражение. Когда он затевал игру, он любил вести ее легко и быстро, с азартом и без проволочек, но вел ее точно и с умом, никогда не теряя головы, как бы высока не была ставка. Большой ставки, чем теперь, он, пожалуй, не делал никогда. Случись проигрыш, – он терял все, включая собственную жизнь, но, если бы только лично он, под прямой угрозой оказывалось благоденствие, а может, и жизнь его родных и близких, что было посерьезнее: свою семью Меншиков любил бесконечно. Зато при выигрыше, он приобретал во много-много крат больше, чем имел, во сколько? Может показать только дальнейшая игра. Головокружительная высота ставки распалая светлейшего, ему не терпелось закончить подготовительные операции.

Наконец, кто-то подъехал, захлопали двери внизу, наверху, в кабинет заскребся денщик.

– Звать немедленно!!! – крикнул Меншиков, не дожидаясь доклада, и встал, готовясь встретить прибывших. В голове у него мелькнуло: «Итак, начало есть!.. Продолжаем».

Глава III

Меншиков двинулся вперед, но не торопился. Хозяин и гости должны были сойтись на середине комнаты. Необходимо было выдерживать тон. Никакой паники, смятения, никакой растерянности или даже неуверенности, никакого отката назад ни в поведении, ни в этикете, ни в расстановке сил, ни в позиции в прямом и переносном смысле не должно было быть. Да, он их пригласил, но не потому, что у него не хватает сил полностью справиться с ситуацией единолично, а потому, что он считает их соратниками, также желающими проявить себя: отстоять дело Петра, коли придется.

Графы Толстой и Бассевич вошли скорой и деловитой походкой. Все трое быстро обменялись соответствующими случаю приветствиями и репликами.

Толстой обратился к Бассевичу, продолжая прерванный разговор и предлагая ввести в курс дела и светлейшего:

– Так говоришь, плох он?

Бассевич отвечал, обращаясь больше к Меншикову:

– Я только что оттуда. Страшный жар почти постоянно держит его в бреде...

Меншиков счел за благо не выслушивать подробности, не несущие ему ничего нового, и мягко вклинился в только начинающийся рассказ, не то, чтобы перебивая, а дополняя его:

– И подобное состояние длится уж не первый час. Я недавно из дворца, – присовокупил он, давая понять, что просвещать его излишне, и без паузы предложил:

– Так как, начистоту и без проволочек?

Стало ясно, что предлагается обойтись без лишних слов.

– Времени вилять у нас уже нет, – согласился Толстой.

Бассевич снова принялся докладывать, но теперь уже по существу:

– Герцог Гольштинский, наши люди готовы поддержать императрицу.

Мгновенно подключился и Толстой:

– Войска в нашей власти. Прикинем далее: статс-секретарь Макаров, обер-прокурор Ягужинский, обер-полицмейстер Девиер – не подведут.

Такой ход и стиль разговора Меншикова вполне устроил, и он охотно поддержал:

– Синод за Феофаном Прокоповичем пойдет, а он с нами. Словом, ключевые позиции в наших руках, но надо действовать безотлагательно. Войсками, стражей занимается Бутурлин. Казна?

– Казну бы надо нам в крепость перевезти. Там комендант надежный, – предложил Толстой.

– Согласен. Кто берется переговорить с императрицей? – продвигал совещание светлейший.

– Берусь попробовать, – предложил свою кандидатуру Бассевич. – Мне есть, что ей сказать. Сегодня, в первом часу

ночи ко мне являлся Ягужинский. Отметьте, был переодет. Советовал мне срочно позаботиться о своей безопасности, если не желаю завтра иметь честь болтаться на виселице рядом с тобой, светлейший князь. Ему стало известно о заговоре. Считает, что гибель императрицы и ее семейства неизбежна, если сегодня же удар не будет отстранен. Я еду к ней. О дальнейшем меня вы известите.

– В добрый час! – не удерживал князь Меншиков. – Похоже, ночью спать нам не придется.

– Что будет заговор, я не сомневался. Но уважение и страх перед Петром сильны. Ручаюсь, они не двинутся, пока в нем остается, хоть признак жизни, – рассудил Толстой.

– Более чем согласен с тобой, граф, ты прямо будто мои мысли прочитал. Видать, мы и впрямь с тобой единомышленники, – счел уместным слегка пошутить светлейший. – Они пусть ждут, нам действовать пора. Друг мой, возьми-ка на себя ты труд оповестить всех, кто верен Ее Императорскому Величеству, чтоб собирались во дворце. Гвардейцами, казною я займусь.

– Сделаю. Прощай, тогда.

– И мне дозволейте откланяться, – заторопился граф Басевич.

– Будьте трижды осторожны, – напутствовал хозяин дома. – С Богом!!!

Даже не дожидаясь, пока соратники покинут дом, Меншиков принялся за свою часть работы.

– Денщик! – позвал он и стал давать наставления ещё только входящему дежурному офицеру:

– Вели послать в гвардейские казармы надежного и преданного человека иль лучше сам пойдёшь. И именем моим вели ты старшим офицерам без шуму лишнего явиться ко дворцу сегодня часам к восьми, а можно и пораньше, как кто придет, пусть займут позиции, что поважнее, они сообразят. Только действовать нужно тайно, не привлекая внимания, будто невзначай. Надеюсь, тебе ясно.

– Совершенно, Ваша Светлость.

– Тогда иди сию минуту. Будь осмотрителен. Ступай.

– Слушаюсь, Ваша Светлость.

Глядя в след удалившемуся денщику, Меншиков прикинул, что пора и ему отправляться туда, где в ближайшее время начнут развиваться решающие события. Через несколько минут он снова сидел в своих роскошных санях.

– Во дворец! – крикнул он.

Глава IV

Не спали и в доме князя Алексея Григорьевича Долгорукого. Уже давненько он совещался со своим двоюродным братцем Василием Лукичом, тоже князем Долгоруким. Много побывало и посетителей. Казалось бы, обстоятельства складывались, ладнее не придумаешь, но беспокойство обуревало безмерное.

– Ты погляди, – в очередной раз начинал повторять свои рассуждения Алексей Григорьевич, —кто только не прибегал за ночь – все хотят видеть на троне Петра Алексеевича – внука. И по всем доселе существовавшим на Руси понятиям и законам – ему на престоле быть. Нет же, надо было императору издать указ о престолонаследии. Теперь жди-гадай, кого ему придет в голову назвать своим приемником. И выбора-то вроде у него нет, кроме внука, три бабы, причем, две из них малолетние ветреницы, а третья сама себе дорогу к трону Монсом загородила, и сидишь дрожишь, потому как знаешь, того и жди, выкинет государь, чего и в самом кошмарном сне не приснится, и никаким другим образом в голову не придет. Вот нет-нет, да мелькнет мысль, что лучше бы сам остался, выздоровел. Хотя натерпелись за жизнь, желательно и дух перевести!

– Так-то так, братец, и не единожды мы с тобой это на разные лады твердим, но не заклинание сие, повтором делу

не поможешь. Давай лучше пока визитеры схлынули, еще раз раскинем карты, поглядим, как они лягут, и как мы сами их перемешать можем, – вступил Василий Лукич.

– Говоришь, добры люди прибежали, ратуют за Петра Алексеевича меньшого? А сколь ты уверен, что половина из них в обе стороны не кланяется. Припомни-ка, ведь, как один, пешими явились, да закутаны были по глаза, значит, не хотели, чтобы кто-нибудь их узнал по дороге к тебе, да и экипаж свой у твоего дома предпочли не оставлять... Далее, «три бабы», как ты изволил выразиться. Одна другой опаснее, скажу я. Екатерина – на белом свете единственная с лишком двадцать лет умела «муженька своего Петрушеньку» вокруг пальца водить. Не равен час и на сей раз изловчится. «Молодые ветреницы»! Молодые – да! Но по чести сказать, обе умны, да и знаниями не малыми владеют. Анна – вдумчива не по годам, правда, просватана... Зато Елизавета совершенно свободна, и характером подержавнее будет... Словом, на Бога надейся, а сам не плошай. Довольно нам рассуждать, действовать время пришло. Императору не лучше. Предлагаю, сначала на все случаи жизни себе соломки подстелить, а затем и наступать, по моему суждению, следует срочно.

– Не спорю, но мы не решили, будем ли что-либо предпринимать, если Петр назовет наследника или... – осторожничал Алексей Григорьевич.

– На мой характер, я бы попытался в любом случае, но ре-

шать тебе: ты – воспитатель цесаревича Петра Алексеевича, – подзадорил Василий Лукич, – на тебя ляжет основное бремя власти по его восхождению на престол.

Нехитрая подначка сработала стремительнее и сильнее, чем князь Василий ожидал. Вождение власти прорвало плотины осторожности и осмотрительности Алексея Долгокурова

– Тогда вперед! – чуть не закричал он и даже вскочил с места.

«Эк, однако, как тебя пробрало, братец», – подумал Василий Лукич. И счел за благо немного поохладить кузена, а то не равен час зарвется, да с горяча и подведет всех под монастырь, причем, в прямом смысле слова:

– Интересно, а что предпринимает теперь Светлейший? – И на сей раз слова Василия Лукича подействовали в желаемом направлении. Алексей снова опустился на скамью и посерьезнел, если не сказать, помрачнел.

«Недаром я столько лет подвизался в дипломатии с легкой руки Петра, – кое-чему научился», комментировал про себя свои успехи Василий Лукич, – «Если так и дальше пойдет, пожалуй, править буду я, а не он, при благоприятном, разумеется, стечении обстоятельств в дальнейшем. Милое, оказывается, занятие быть «серым кардиналом».

Алексея Григорьевича тем временем, наоборот, посещали мысли отнюдь не приятные. Решениями почившего императора можно было бы пренебречь, если союзники не подве-

дут, а вот как пренебречь живым Меншиковым, поди – по-пробуй. Изловчиться бы арестовать до решающих событий! Легко мечтать, а как провернуть, стережется, а умри Петр, станет в стократ осторожнее, да еще закрутит интригу в противовес. На свою сторону его не перетянуть никакими посулами, он при императоре Петре II не жилец...

– Что посоветуешь с Меншиковым делать, Василий Лукич? – прервал затянувшуюся паузу Алексей Григорьевич.

– Пока, что с ним поделаешь, нужно выдерживать нейтралитет, а вот как только станет ясно, что наша взяла, тут уж главное не оплошать, сию же секунду под стражу и на плаху хорошо бы не откладывать... слава Богу, есть за что.

– Хоть отбавляй, – мечтательно подтянул Алексей Григорьевич.

– Ну вот, а тем временем, рассылай-ка нарочных, пусть все, как только придет известие о смерти императора, не мешкая, будут во дворец, да выкликают Петра II, что бы там ни было. Пусть не раздеваются, даже шубы не снимают, так и спят, и едят, в решительный момент каждый миг будет дорог. Также распорядись, чтобы одетыми и с запряженными конями ждали будущие нарочные числом равным нужным и верным нам особам. Хватит у тебя людей и лошадей по одному на приглашенного? Если нет, я дам.

– Найдется, найдется, – заторопился Алексей Григорьевич. – Пойду распоряджусь да сразу распределю, кому куда направляться и с каким сообщением, чтобы потом только од-

ну команду дать: «Вперед!» – и все готово. А ты пока подумай, что еще нужно, чтобы потом не замешкаться.

«От страха, что ли, он таким шелковым стал, прямо не узнать, воплощенное послушание. Вона, как власти захотелось!» – развлекался про себя Василий Лукич. Вслух же сказал:

– Хорошо бы к Остерману троих снарядить, чтобы являлись к нему каждые пять минут с напоминаниями во дворец пожаловать.

– Напрасный труд, братец, что мы с тобой наперед не знаем, что напоминай, не напоминай – скажется больным при смерти и все одно не покажет и носу. Может что еще?

– Да что же еще? – благосклонно отвечал Василий Лукич, чуть не всерьез входя в роль теневого правителя. – Остальное решится во дворце в соответствующий момент. Сумеет проявить быстроту и натиск – наша возьмет, оплошаем – жди сюрпризов.

В глубине души обоим братьям куда больше хотелось бы заранее предпринять ряд шагов к желанной цели. Но граф Толстой был прав, трепет перед Петром был необорим даже жаждой вожденной власти, поэтому ни один из них о сем и не обмолвился. Более того, судя по себе, они были уверены, что никто не шевельнется прежде них, все выждут, и тут они глубоко ошибались.

Глава V

Царевич Петр, внук Петра I, имя которого в последние дни беспрестанно было на устах у всего Санкт-Петербурга, до поры не ощущал повышенного внимания к своей особе. Они с сестрой Натальей жили обыденной жизнью, по распорядку, давно заведенному указанием их великого деда, окруженные привычными лицами: камер-фрау, камергерами, камер-юнкерами и учителями. Скорее можно было отметить, что визиты воспитателей, барона Андрея Ивановича Остермана и князя Алексея Григорьевича Долгорукого, сократились числом и длительностью. Реже забегали тетушки Анна, Елизавета и Наталья, да куда-то западал закадычный и ненаглядный друг царевича, князь Иван Долгорукий, что досадовало, но не удивляло, так как ему было свойственно периодически где-то запропасться. Петр понимал, что у них с Иваном значительная разница в годах – восемь лет, даже поболее. Догадывался, что помимо их совместных забав, которые молодой князь разделял с ним с неподдельным удовольствием, были еще и другие, для него недоступные, но от этого понимания легче не становилось, наоборот, разбирала тем большая обида. Каждый раз в подобных случаях девятилетний Петр готовился при появлении «предателя» сделать ему резкий выговор, но как только видел своего любимца вновь, забывал, а если и помнил, то откладывал, чтобы не омрачать

приятные минуты совместных игр и развлечений. Его родная годом старшая сестра Наталья относилась к появлениям и исчезновениям Ивана совсем по-другому, если не сказать, прямо противоположно. Петр и Иван, разумеется, приглашали и принимали ее в свои потехи, но с одной стороны многие из них ее отнюдь не увлекали, а с другой она просто умирала от ревности, ибо лишь слепой мог не заметить, что, когда Иван был рядом, она отходила на второй план. Она – единственная родная сестра, самая близкая по крови целом свете! У нее ни к кому не было привязанности сколь-либо сравнимой с той, что она испытывала к брату, а у него... Помимо Ивана, он обожал своих тетусhek. Особенно, Елизавету, которая и навевалась чаще и заводила самое бурное и шумное веселье, как придет, кстати, гораздо более приемлемое для Натальи, чем то, что затевал Иван, но она никогда бы не променяла ни на тетку, ни на какие другие радости уединение с братом, к которому она так привыкла.

Оба Наталья и Петр были осведомлены, что их дед серьезно болен и даже может умереть, они ощущали мрачное напряжение, царившее во дворце, волновались и отчаивались. Дед, правда, с ними строг и не чрезмерно внимателен, но родной, а без него, на кого они останутся. Бабушка Екатерина, временами проявляла тепло и заботу, но известно, была ненастоящая, тогда как настоящая бабушка заточена в монастырь, и ее дедушка почему-то совсем не любил, как, говорят, не любил и их покойного отца, в общем, все было

запутано сложно, неудобно и зыбко...

С недавнего времени стали замечаться изменения в обращении с ними. Тетушки и бабушка Екатерина полностью перестали показываться, зато замелькали лица, которых ранее никогда нельзя было видеть на их половине и чем дальше, тем чаще, и тем больше вокруг возникало непривычных людей, по какой причине, великие князья понимали слабо. Алексей Григорьевич, да и Андрей Иванович Остерман напеременки невнятно, будто опасливо, толковали, что Петру быть после Петра, но неуверенно и вяло. Как относиться к переменам брат с сестрой не знали, поэтому лишь пугались сильнее и сильнее.

В довершении к ним явился Александр Данилович Меншиков, светлейший князь. Они годами привыкли наблюдать его в основном издали. Был очень почтителен, говорил так громко, что, должно быть, на весь дворец, а то и на целый Санкт-Петербург слышно было. Заверил, что покорный слуга и в обиду их никому не даст, а свой неожиданный визит объяснил беспокойством, что за отсутствием внимания бабушки и тетушек, неотрывно пребывающих при больном, их высочества, возможно, в чем-то нуждаются или чем-либо не удовлетворены. Оставался недолго, но успел наговорить столько любезностей и заверений, сколько они в жизни не слышали от всех окружающих вместе взятых. Затем, попросив сообщать ему, если что не так будет, стремительно ушел. Как ни странно, хотя ни брат, ни сестра до кон-

ца не поверили Меншикову, им обоим стало заметно легче, на душе улеглось, и они спокойно продолжили свои обычные занятия.

Светлейший навестил «их высочеств» не исключительно из человеколюбивых соображений. Да, было жалко сирот, которые теряют еще и родного деда, у самого детства было не из радужных. Меншиков до сих пор помнил тягостное состояние бесприютности и незащищенности тех лет, поэтому его слова, обращенные к внукам Петра, не только звучали искренне, но и были таковыми на самом деле, посему и успокоили детей. Однако главной целью его посещения было направить противника по ложному следу. Меншиков знал, что, поелику возможно, его действия внимательно отслеживаются. Было важно замаскировать свою игру, и тайные шаги он затенял явными, но ложными маневрами, вроде посещения предполагаемого многими наследника трона. Он знал, что враги от души потешаются, узнавая о такого рода его выпадах, рассматривая их, как беспомощность, агонию или панику, было противно, но ради победы стерпеть многое можно. Главное, чтобы слезы смеха хорошенько застилали им глаза, не позволяя наблюдать то, что до поры им замечать не следует. А скрывать было что.

Глава VI

Меншиковская партия развивала кипучую деятельность, в том числе и во дворце, куда стремительно влетел граф Басевич. На пороге государева кабинета он столкнулся с кабинет-секретарем Макаровым.

– Господин Макаров! Что? – выпалил он, даже не здороваясь.

– Плохо. Чуть-чуть приотпустило, – потребовал бумагу и перо. Начал писать: «Отдайте всё...» – расстроенный и усталый Макаров цедил слова медленно.

– Ну?!!! – не выдержал Басевич.

– Всё...

– Кому?!!!

– Всё, дальше силы не хватило. Упал, сознания лишился, – договорил, наконец, Макаров.

– Всевышний, смилуйся! – воскликнул граф и без паузы продолжил. – Мне надо говорить с императрицей!

Макаров не понял:

– Невозможно, уже три дня и три ночи она от него не отходит ни под каким видом.

Басевичу пришлось пояснять:

– Дело касается ее будущего. Вы же добра желаете ее величеству? Иль пусть ей – монастырь, нам – ссылка, смерть?

Макаров встрепенулся:

– Добро, попробую.

– Прошу вас, господин Макаров, поторопитесь. Нам так многое нужно успеть!

– Сделаю, что в моих силах, – пообещал кабинет-секретарь, скрываясь за дверью.

Нервно прохаживаясь, Бассевич принялся повторять речь, которую он приготовил Екатерине, направляясь во дворец, хотя знал, что, когда увидит её, убитую горем, в слезах, скажет все совсем по-другому, неожиданно для самого себя.

Императрица вошла быстрее, чем он мог надеяться.

– Ваше величество! – он стремительно подошел, припал на колени, склоняясь к ее руке, как бы для поцелуя и заговорил очень тихо:

– Ваше величество, в ваших руках наши жизни, жизни многих, многих преданных вам и его величеству слуг. Не оставьте нас своей милостью.

– Что я могу?!

– Подумайте о дочерях своих и о себе, в конце концов. Неужели вы хотите оставшуюся жизнь провести на Соловках!?! – продолжал Бассевич.

При этих словах Екатерина вздрогнула и насторожилась:

– Неужто?

Бассевич не сомневался: то, что он сейчас говорит и скажет, ей доподлинно известно, но он также понимал: сцену нужно доиграть до конца.

– Да, есть заговор, – сказал он, – против вас, но есть и дру-

зья ваши, их меньше, но они сильнее. Важные посты в руках слуг, преданных вам и его величеству. Большого риска нет, если принять меры вовремя. Одно лишь ваше слово.

– Такое горе! Я едва способна думать. Прошу вас посоветуйтесь со светлейшим князем, – лепетала она.

– Но Ваше слово? – настаивал Бассевич.

– Я соглашусь на все, что вы с ним сочтете нужным. Верю в ваше благоразумие и преданность, но сама убита и ничего не в состоянии предпринимать.

– Спасибо, спасибо, ваше величество. Бог милостив! Позвольте идти? – заторопился Бассевич, обрадованный, что дело движется споро.

– Иди, граф, и я спешу, – бросила Екатерина, уже возвращаясь в покои Петра, дверь за ней закрылась, и тут же с другой стороны в зал вошел Меншиков.

– Что она? – спросил он сразу о главном.

– Целиком полагается на вас, – не отстал в лаконичности опытный придворный.

– Он? – задал следующий вопрос Меншиков, не меняя стиля.

– Без памяти.

– Сделал завещание?

– Хотел, – не смог.

– Так... Эй, кто там!

Лакей не заставил себя ждать.

– К услугам вашим, ваша светлость!

– Поди, скажи моему человеку, чтобы действовал, как я велел. Мигом! – отдал распоряжение Меншиков и повернулся к Бассевичу. – Думаю, ты согласен, граф, необходимо, чтобы Императрица дала надежду подданным своим, пока ближайшим, что не оставит их, словом, что согласна взять на себя бремя управления, покуда цесаревич подрастет. И прочее... С царицей я переговорю, пожалуй, ещё сам.

– Так-то оно вернее, князь. Только, чаю, трудно будет ее уговорить снова оставить мужа.

– Будь добр, расстарайся, граф, испроси через Макарова мне аудиенцию у ее величества, – попросил Меншиков.

– Применю все свое усердие, – заверил Бассевич и легкой, грациозной походкой человека, привыкшего быть на виду, направился в кабинет. Ему на смену в зал вошел Толстой. Пройдя суровую петровскую школу, они были научены работать быстро и слаженно, когда требовала обстановка. Теперь же их жизни висели на волоске, причем, тонюсеньком, они прекрасно отдавали себе отчет в том, что Долгорукие, Голицыны и иже с ними в душе подписали смертный приговор своим соперникам.

– То-то молодец! Уж здесь! – остался доволен Меншиков.

– Стараюсь, сколь могу. А ты, светлейший, слышать, решил ускорить события?

– Они сами ускоряются. Медлить нельзя, он опять в беспомощности. Вас с Бассевичем я бы просил встретить и подготовить подъезжающих. Я тем временем переговорю с импе-

ратрицей.

– Ее величество соизволили дать согласие выйти к вам, ваша светлость. Сейчас будут в кабинете, – подоспел расторопный гольштинский министр.

– Отлично. Благодарю. Я туда. А вы – к «гостям», друзья мои! Пьеса вам известна, распределяйте роли. Прошу вас нижеяйше ничего и никого не упустите, надобно ни минуты не забывать, с кем и чем дело имеем. Скоро буду.

И Меншиков направился в государев кабинет. Бассевич и Толстой, повиновавшись Меншикову, перешли в гостиную залу, куда должны были стекаться «приглашенные».

Меншиков только что не вбежал в кабинет. Никак нельзя было заставить Екатерину ожидать его в такой-то момент. Да, дружба у них была старая и крепкая, но при этом с обеих сторон тонко выдерживался политес, и тон общения в каждом конкретном случае бывал особый от самого что ни наесть панибратского до изысканнейше подобострастно-почтительного. Лишь только Меншиков вошел, приотворилась дверь с противоположной стороны. Еще не видя, кто за ней, но точно зная, светлейший бросился навстречу с увещеваниями:

– Матушка-государыня, я понимаю, что не в праве в столь скорбный час беспокоить вас, и нет мне прощения, но обстоятельства таковы, что я вынужден был молить вас об этой милости. Прошу вас, взгляните в окно. Вон там и там в углу, и здесь, совсем под окнами, гвардейцы-офицеры. Они при-

шли сюда, по собственному побуждению, потому что беспрельдно преданы нашему Императору и вам и хотят вас подержать в роковой момент. Они вас обожают... Мы посоветовались: первостепенные сановники и сенаторы на вашей стороне. За нами не только гвардия, но и армия. Казна у нас в руках. Мы, ваши приверженцы, занимаем все ключевые позиции. Странники Петра II сильны лишь знатностью. Риска нет. Но действовать необходимо. Должны же ваши подданные знать, что вы согласны принять на себя власть...

– Но я... – хотела было начать Екатерина.

Меншиков понял: царице требуются основные наметки того, что ей предстоит развить в своей речи, а также намеки, каковой должна быть манера поведения на ближайший момент, и, не тратя понапрасну время, перебив, как будто не совладав с собой, так как не в силах услышать отказ, еще более страстно, чем начал, продолжил:

– Матушка Екатерина Алексеевна, ваше величество, сам Петр венчал тебя на царство. Прошу соберись. Нужно произнести лишь несколько слов успокоения своим подданным, желающим после Петра на троне видеть только тебя. А если у кого из них и есть сомнения, вы, ваше величество, должны разрушить их. Позвольте, я взгляну, все ли в сборе и вернусь за вами.

Екатерина быстро направилась к дверям, из которых появилась:

– Нет, я от него не отойду больше ни на минуту!

Из покоев Петра, навстречу Екатерине, будто по команде Меншикова, вышел Макаров. Меншиков побежал вслед за ней и с отчаяньем в голосе продолжил свои наставления:

– Помилуйте, ваше величество, если власть перейдет в руки ребенка, стране грозит хаос, в котором первыми погибнем мы.

Приняв пасс, Макаров как бы невзначай мягко заступил Екатерине дорогу.

– Ваше величество, – вкрадчиво заговорил он, – Александр Данилович действует и советует вам разумно. Я понимаю вашу скорбь, но со своей стороны тоже молю вас соблаговолить и выполнить просьбу светлейшего князя.

– Не в силах, – был ответ.

Действительно силы и решимость требовались немалые. По сути сейчас её подданные предлагали ей при живом муже-императоре объявить себя правящей монархиней, то есть захватить власть. Опасностей в таком шаге таилось столько, что и не перечесть. Но уже двух основных было достаточно, чтобы ой как поколебаться. Во-первых, супруг, который хоть и был уже без сознания, мог и выжить, случалось прежде, что он чудом отходил от тяжелейших болезней. Как и чем она оправдается, тем более теперь, когда их отношения столь осложнились вскрывшейся ее любовной интрижкой с камергером Монсом. Ужаса, который она пережила тогда, ей больше не вынести. Да и надежды на прощение нет, и не может быть. Во-вторых, что если задуманное не удастся?! В обоих

случаях – казнь, причем, казнь позорная... А решаться надо... Иначе будущее грядет не многим лучшее, чем при провале...

Обстоятельства не оставляли времени ни на размышления, ни на уговоры. Вошел граф Толстой:

– Позвольте доложить, ваше величество. Приглашенные его светлостью, прибыли. Они ждут.

Екатерина снова отрицательно повела головой.

Глава VII

Толстому потребовалось меньше секунды, чтобы считать ситуацию, и он продолжил:

– А вы, государыня-императрица, вместо того, чтобы пойти навстречу им и скипетру, хотите без пользы обнимать своего супруга, который вас уже не узнаёт. Там ваше присутствие не нужно, а здесь ничего не может быть сделано без вас для того, чтобы вы могли царствовать, а не плакать. И если душа вашего супруга еще остается в его теле, которое ему уже не служит, то только для того, чтобы отойти с уверенностью, что вы умеете быть достойной своего супруга и без его поддержки, и что вы с детьми вне опасности.

Казалось, что пауза тянулась бесконечно, но никто из царедворцев не прерывал ее. Все необходимое и достаточное было сказано, теперь надо было позволить Екатерине сконцентрироваться, собраться с мыслями. Немало будет зависеть от того, сколь удачно она подаст себя и ситуацию, сколь изящно и сильно сыграет. В этот её талант все присутствующие крепко верили, посему и сочли за благо не торопить её, хотя под ногами горела земля. Они наблюдали, как началось её внешнее преображение, спина плавно выпрямлялась, подбородок поднимался, выражение лица приобрело достоинство, уверенность и силу... Да, дело шло, как требовалось и ожидалось. Еще мгновение и она заговорила:

– Если так... Что ж... Я покажу это и ему, и вам, и всем. Идемте!

В соседнем зале Екатерину ждали все ключевые фигуры в государстве, а также избранные Меншиковым сенаторы, представители духовенства, офицерства, гвардии. Всех их Екатерина давно и хорошо знала, равно, как и они ее. Тем труднее была ее задача. Она должна была заставить их увидеть себя в новом свете, причем, сказать слова, которые каждый из них смог бы истолковать, как ему нравится. Растягивать речь было нельзя, чтоб не проскочили оплошности, да и время сильно поджимало. Окинув всех взглядом и быстро встретившись глазами с каждым, она заговорила в пространство:

– Вы просили меня выйти к вам. Я здесь. Я разделяю ваше беспокойство и осознаю, как много опасностей и несчастий может грозить государству, которым управляет ребенок. Меня, как вам всем известно, венчал на царство сам супруг мой, Петр Великий, поэтому, идя навстречу вашим просьбам, и получив право из рук самого Императора, я могу принять корону на себя. Но не для того, чтобы отнять ее у Великого князя, а для того, чтобы надежно сохранить ее для него, как священный залог, который и возвращу ему, когда небу будет угодно соединить меня с моим обожаемым мужем, ныне отходящим в вечность.

Речь удалась. Присутствующие практически самопроизвольно остановили её, когда услышали, что им требовалось,

несколько приглушенными возгласами: «Да здравствует Императрица Екатерина! Виват! Благодарим, тебя матушка!»

Екатерина продолжала блистательно вести свою партию: – Я также благодарна вам за преданность и верность.

Тут инициативу перехватил архиепископ Феофан Прокопович:

– Братья мои, поклянемся же в верности нашей государыне императрице и разойдемся.

«Господи, как хорошо иметь дело с опытными и проворными людьми, все катится как по маслу, даже вмешиваться не надо было, а вот теперь, – пора!» – подумал Меншиков и с готовностью и рвением двинулся к митрополиту, демонстрируя истовое желание первым положить руку на Библию, провоцируя таким образом и остальных участников переворота проявить свое дерзновение. В результате сгрудились около Феофана Прокоповича, а Меншиков немного отступил, давая дорогу другим, как бы в знак уважения и понимания их благородного порыва и оправданной горячности, и с трудом сдерживая в себе подобные же чувства. Он, безусловно, не собирался отлынивать от присяги. В этом для него не было ни смысла, ни выгоды. Просто, стоя почти у цели и великодушно пропуская одного за другим устремившихся к присяге, ему проще было отследить каждого в отдельности и ситуацию в целом. Наконец, когда на подходе оставались только совершенно надежные люди, он, как бы, не в силах более переждать «прорвался» к присяге, и к руч-

ке императрицы. Потом на фоне завершающейся церемонии, торжественно и многозначительно стал повторять вращавшимся в зале:

– Прошу вас быть в готовности в любой час снова вернуться сюда, или оставаться во дворце.

Заметив, что некоторые направились к дверям, Меншиков зычно обратился к Екатерине:

– Матушка императрица, сколь мне известно, ты намеривалась в ознаменование столь грандиозного события наградить и одарить присутствовавших.

Екатерина, которая даже и не подозревала, что светлейший предусмотрел и подготовил церемонию пожалования, немедленно оценив его распорядительность, подхватила подсказку и нашлась:

– Разумеется, светлейший, теперь приспело время об этом объявить, ты опередил меня, я не виню тебя. Более того, повелеваю тебе сделать за меня сие. Надеюсь, присутствующие здесь близкие нам с императором люди понимают мое тяжелое состояние... невмоготу доле оставаться в отдалении от моего страждущего супруга, нашего великого императора, позвольте покинуть вас.

– Благодарю тебя, государыня-императрица, что ты даришь меня счастьем выполнить одно из твоих первых поручений, которое ты даешь в новом качестве правящей монархини, сверх того зело приятное, кое я не замедлю с прелевеликой радостью выполнить, но дозволю просить тебя ещё

об одной милости. Окажи высокую честь мне, графу Толстому, графу Бассевичу, кабинет-секретарю Макарову, графу Бутурлину составить твою свиту и проводить тебя до покоев государя-императора! – обратился к царице Меншиков.

– Извольте, – согласилась императрица, – остальных прошу задержаться и принять мои пожалования по возвращении светлейшего князя.

Все почтительно склонились, и императрица со свитой вышла.

Глава VIII

Лишь только двери закрылись и удалившиеся остались одни, Меншиков остановил Екатерину словами:

– Матушка-государыня, я понимаю ваше нетерпение вернуться к своему супругу и разделяю его. Я сам бы жаждал стоять сейчас у его ног, но государственные дела не терпят. Давайте попросим господина Макарова побыть там и в случае малейших перемен в состоянии императора немедля сообщить.

Макаров, поклонившись, быстро прошел в комнату Петра.

– А нам надо обсудить стезю, по которой мы должны направлять грядущие события, – не прерываясь продолжал светлейший.

– Ах, как он! – воскликнула царица.

– Надежда, разумеется, есть, но имея противников, как наши, мы должны быть в полной готовности к любому ходу дела. Матушка-императрица, теперь ты для многих подданных, во всяком случае, для тех, кто правит государством на престоле. Я бы предлагал во избежании осложнений сейчас же арестовать смутьянов, тех, кто мыслит вопреки воле государя императора, и со злым умыслом погубить великие дела Петра хотел бы возвести на трон дитя, – гнул свою линию Александр Данилович.

Екатерина не знала, что ответить и величественно промолчала, как бы размышляя.

– Но такая мера может произвести смятение, – позволил себе высказаться Бассевич.

– Можно взять только зачинщиков, тогда остальные, трепеща, молча, смирятся с уже принятым решением. – Меншиков не то, чтобы спорил, а перебирал варианты.

– Светлейший князь! А если вдруг, не дай Бог, противоположной партии удастся восторжествовать, – подключился к обсуждению граф Толстой.

– То участь ее императорского величества и ее приверженцев, будет тем плачевнее, – закончил его мысль голыштинец.

– Что ж, может, вы и правы. К чему излишняя жестокость. Куда приятнее пережать их разумом, а не силой... Однако, государыня, что ты молчишь? – спросил светлейший.

Екатерина определилась:

– Тебе ведомо, князь, я никогда не любила мер крутых. Да и престол ишу не для того, чтобы людей тиранить, а только, чтоб не почило дело мужа моего с ним вместе...

– Понимаю и слушаюсь, матушка, по-твоему все будет отныне и впредь. Теперь, как высказала ты желание свое, пожалуйста, иди к своему супругу, а мы будем поступать по твоей воле, – проговорил Меншиков, склоняясь в почтительном поклоне.

– Верю вам и полагаюсь, – промолвила Екатерина и уда-

лилась.

Она, не кривя душой, стремилась к мужу. С ним уходила в вечность большая самая невероятная часть её жизни, прекрасная и тяжёлая, радостная и мучительная, реальная и неправдоподобная одновременно. «Воистину пути Господни неисповедимы» – эта фраза постоянно возникала у неё в голове, когда часами глядя на лицо забывшегося супруга, она перебирала в голове свою жизнь, их жизнь. Разве могла бы она в самых своих дерзких и отчаянных мечтаниях измыслить что-нибудь хотя бы отдаленно приближающееся к тому, что с ней произошло. Теперь она только что стала самодержавной императрицей всея Руси! Необъятной страны, мощнейшей державы, быстро, но крепко сколоченной Петром империи! А давно ли? Нет, лучше не вспоминать, что за жизнь предшествовала их знакомству! И жизнью-то не назовешь. О принцах и не грезила никогда. К восемнадцати годам помотало её так, что за благо сочла стать женой солдата, что облегчения не принесло. Муж отправился дальше воевать, только его и видели, а она попала в плен к русским...

Императрица вернулась к мужу. Ей сказали, что когда слышались здравицы в её честь, он на какой-то момент вроде очнулся, забеспокоился, хотел что-то сказать, но снова впал в беспамятство. «Видать не по его воле поступили, стало быть, хорошо, что Анна замешкалась и не успела прибежать, и что бумагу подать ему не спешили. Что он написал бы? Однако, дело сделано, обратно не вернешь», – подумала им-

ператрица, а вслух сказала:

– Очевидно, его величество желал изъяснить своё удовольствие услышанным им.

Дальше она плотно уселась у изголовья супруга, и продолжила вязь ее воспоминаний. Заботиться было не о чем, она прекрасно знала, что светлейший в действии. На Меншикова она полагалась безоговорочно, так как понимала, что затеял он все далеко не ради неё, а ради себя, а за себя-то он умел постоять. Противника своего знает хорошо и давно умеет его подавлять. Будет сделано не только возможное, но и невозможное. Сей человек блистал многими замечательными дарованиями, но в таланте сражаться за себя ему не было равных.

Глава IX

Действительно, Меншиков работал, не покладая рук, причем, как-то задорно, с выдумкой, с вдохновением, едва ли ни с юмором. Да, временами он тяжело переводил дух, вспоминая в связи с чем бьется, но останавливаться нельзя было, – слишком опасно, – надо было гнать и гнать вперед, и это спасало от страданий.

Меншиков заговорил, даже не дождавшись, пока сомкнутся створки двери за удаляющейся императрицей:

– Итак, нам предстоит составить план действий в решительную минуту, которая последует за смертью Императора. Тут будет необходимо объединение усилий многих лиц. Перво-наперво, нужно, чтобы каждый из нас обязался дать надлежащие наставленья тем, кто ему наиболее предан, или находится в зависимости.

– Да, но сначала нужен план, – напомнил Толстой.

– Прошу вас, господа, сюда, к столу, чтоб можно было записать, – пригласил светлейший. – Так, что же нам понадобится?

– Гвардия и войска, – незамысловато подсказал Бассевич.

– Гвардия уже здесь. Войска поручены Бутурлину. А теперь моя основная задумка, пригнитесь, буду говорить очень тихо, тут важна полная секретность и неожиданность для противника. И еще наперед прошу сразу четко запоминать,

что надлежит кому: репетировать нам некогда, подсказать может не представиться случая, а действовать мы должны очень слажено. Так вот я, пожалуй, могу предложить вам забавнейшую шутку, которую мы с ними сыграем и в два счета примирим с нашим решением! Они и «ах» сказать не успеют... Эх, коли б не печальный сей момент, мы всласть посмеялись бы потом...

Тут он перешел на тихий шепот, быстро и энергично объяснил задачи и распределил обязанности, в некоторых случаях даже просил запомнить конкретные фразы и обороты, которые должны быть произнесены и особенно в какой последовательности необходимо развивать действие. В заключении сказал:

– Вы, разумеется, понимаете, достопочтенные други мои, что, предполагая реакцию наших противников, я могу ошибиться в словах, которые они произнесут, но смысл будет неизбежно тот, что сейчас означен. Нижайше прошу вас предельно внимательно следить за всеми персонами, как с той, так и с другой стороны, поддерживать друг друга, если потребуется подправлять: от слаженности и четкости будет зависеть наш успех. А сейчас я должен выполнить возложенную на меня государыней миссию и вручить памятные награды тем преданным и достойным людям, что ожидают в соседней зале, прошу и вас пойти со мной, ибо и вас императрица не обошла своим вниманием. В процессе церемонии будет удобно и уместно ненавязчиво поставить задачи перед

участниками.

Вручение прошло торжественно, но быстро, по разным причинам все стремились к одному: соблюсти приличия и перейти к дальнейшим делам. Пожалованные благодарили горячо, но кратко. Не выдержал лишь велеречивый Феофан Прокопович и цветисто и изящно проговорил минут пятьдесят. Суть его высказывания сводилась к тому, что пожалованные и так с лихвой осчастливлены императрицей тем, что она дала согласие принять на себя правление и что другой награды и не надо бы, однако, и другую принял с благодарностью.

Когда последние, остававшиеся в зале, собирались разойтись, открылась дверь, и вошел кабинет-секретарь Макаров, он мог бы ничего и не говорить, по его заплаканным глазам, отчаянью и горю на лице сразу стало понятно, что произошло.

– Все кончено! – только и произнес он

Его тихие слова поразили присутствующих до глубины души, а, вернее сразили наповал, их сковал непередаваемый ужас, отчаянье. На несколько секунд замерли, потрясенные. Необъяснимая загадка! Казалось бы, давно знали, что с часа на час им предстоит услышать страшные слова о смерти императора. Более того последние дни только и думали, только и говорили, только и готовились к этом моменту. Практически был возведен на престол новый монарх, а точнее монархиня. И тем ни менее, как гром среди ясного неба, про-

звучала едва слышная, почти невнятная фраза Макарова – никто не был готов! Общее молчание нарушил Меншиков:

– Я к НЕМУ. Остальным действовать! – сказал он и исчез за дверью.

Воцарилось смятение. Вельможи засуетились, запричитали, завсхлипывали, забегали, словом, потерялись. Лишь мало-помалу стали приходить в себя, сосредотачиваться.

По каким тайным каналам и каким образом со столь невероятной скоростью распространилась по Петербургу трагическая весть, неведомо никому, ибо по рассеянности или намеренно не успели еще толком с рассылкой гонцов, как дворец начал наполняться. Среди первых появились граф Апраксин Федор Матвеевич, Долгорукие Алексей Григорьевич и Василий Лукич, князь Репнин Аникита Иванович, Ягужинский Павел Иванович, Головкин Гаврила Иванович.

Атмосфера в приемной зале стала стремительно накаляться.

Глава X

Прибывали с каждой минутой. Вновь появлявшиеся сдержанно здоровались, невнятно переговаривались, обменивались знаками, сигналами, жестами. Замелькали офицеры, пожаловало духовенство. Продолжался обмен приветствиями, грозными взглядами, словами скорби, печали, радости, и при этом все что-то или кого-то искали глазами... Недоставало Меншикова. Светлейший просто не мог не быть здесь, однако, не появлялся, не хватало еще некоторых, что было странно, но не озадачивало и не тревожило так, как отсутствие князя Александра Даниловича.

Нагнеталось тяжелое противостояние. Обстановка достигала предельного напряжения. Чаше и чаще то тут, то там слышались фразы: «... да, их жалкая кучка!» или «...и древностью рода и количеством превосходим...», «Петр II»...

Василий Лукич и Алексей Григорьевич Долгорукие как бы невзначай сошлись вплотную. Одними губами Алексей спросил:

– Что, князь Долгорукий, Василий Лукич? Как на дело смотришь?

И получил едва слышный ответ:

– С надеждой, князь Долгорукий, свет-Алексей Григорьевич. наших тут подавляющее большинство. По шепоткам слышать, что Петру II на троне быть, если ничего непредви-

денного не произойдет. Твое мнение?

– Уверен.

– Рад, рад слышать... Видать, светлейший тоже не сомневается, что к их высочествам бегал на поклон, – хмыкнув, отозвался князь Василий.

– Да уж коли их светлость так чудить начали, стало быть в полной беспомощности пребывают, вона, даже нос высунуть ему боязно! – на этих словах братья разминулись.

На самом деле своими радужными прогнозами и шутками братья лишь желали подбодрить один другого. Отсутствие Меншикова пугало и настораживало их несказанно. Да, то что было на поверхности трудно оценивать иначе, как победу, но не было светлейшего, значит, идут какие-то подводные течения, иначе быть и не могло, но было бы куда легче столкнуться с ним в лоб, а то думай-гадай, чем он сейчас занят. Ставки-то уж больно не равны. Они Долгорукие в случае провала останутся, как говорится, при своих, если, не полезут на рожон, а он теряет все: власть, положение, состояние, жизнь, да и семье и близким его не поздоровится. Посему от него было легко ожидать наиотчаяннейших поступков, и чем дольше он не казался на глаза, тем более угрожающим воспринималось его отсутствие.

Страсти разгорались. Сторонники Петра Второго честолюбивые и знатные по рождению люди, натерпевшиеся в тени, безвестности, в безвластии и подчиненном положении бесконечно долгие годы петровского правления, всеми фиб-

рами души страстно вождели перемены. Представлялось, счастье так близко, так возможно, рукой подать. Но опаска нарастала с устрашающей силой и скоростью: противоборствующие не сдадутся без боя и сражаться будут до последнего, несмотря на то, что их позиция заранее проигрышная, а скорее именно поэтому. На какие отчаянные действия их толкнет безысходность?! Что за лихие шаги они предпримут при том, что отступить многим из них предстоит только на плаху?! У НИХ нет шансов, но что ОНИ будут делать?! Подобные вопросы мучили собравшихся ничуть не меньше, чем нестерпимое желание ухватиться за власть... Сюда же прибавлялась жгучая горечь утраты, чувство, которое многие не предполагали ощутить в себе в связи со смертью Петра и тем ни менее... Гремучая смесь сильнейших и разнообразнейших эмоций наполняла и наполняла зал и, казалось, давно перевалила возможные пределы... Меншикова не было, зато из внутренних покоев появился Бассевич, его встретили холодными и презрительными взглядами, уж больно много на себя брал последнее время при дворе этот гольштинец. «Теперь придется тебе поосадить коней, мил человек, да и убираться к себе в Гольштению», – замелькало во взглядах и ухмылках окружающих. Не смущаясь, с видом исполненным достоинства, граф, пересекая зал, направился к Ягужинскому, подошел вплотную и, понизив голос, с крайне секретным видом, но так, чтобы любой желающий мог слышать хотя бы суть, Бассевич «зашептал» на ухо растеряв-

шешуся обер-прокурору:

– Примите награду, господин Ягужинский, за предостережение, сделанное вами вчера. Уведомляю вас, что казна, крепость, гвардия и армия, Синод и подавляющая часть Сената – в распоряжении императрицы, даже здесь ее сторонников больше, чем можно полагать. Передайте тем, в ком вы принимаете участие и посоветуйте сообразовываться с обстоятельствами, если они дорожат своими головами.

У Ягужинского даже не было времени поразмыслить, не провокация ли это, понятно было лишь одно, что раздумывать некогда, и плавно переместившись к своему тестю, графу Головкину, он забормотал:

– Граф, будьте осторожны, – сила и власть в руках Екатерины.

Бутурлин, скромно и тихо пристроившийся у окна, внимательнейшим образом проследил, чтобы весть обошла большинство собравшихся, и, обменявшись взглядами с Бассевичем и Толстым, прислонился лбом к стеклу, – таков был условный сигнал. Тотчас за стенами дворца раздается барабанный бой, причем, сразу со всех сторон, что позволило сообразительным и опытным присутствующим мгновенно понять, – дворец окружен гвардейскими полками. Опять пробежали шепотки, на сей раз панические: «что такое?», «никак мы в окружении!?», «западня!?!», «теперь держись!», «уж не готовятся ли нас всех взять под стражу?»

Два князя Долгоруких снова невзначай сомкнулись.

– Считай, мы в ловушке, ну и прыть у некоторых. Поберегись, одно неловкое движение и дверца захлопнется, – уголком губ шепнул Василий Лукич братцу.

– Не многовато ли мы трусим? Не на пушку ль нас берут? – захорохорился Алексей Григорьевич: ощущение уплывающего из-под самого носа величия доводило его чуть не до умопомрачения.

– Вот именно – на пушку! Гляди! Геройствуй в меру! – бросил князь Василий и отстранился.

Тем временем остальные вышли из первого шока. Раздался зычный голос Репнина:

– Что значит сие, кто осмелился распоряжаться гвардией помимо меня?! Разве я боле не главный начальник полков?

Отозвался доселе смиренный Бутурлин:

– Приказано мною. Без всякого, впрочем, притязания на ваши, князь, права. Я имел на то повеление императрицы, моей всемилостивейшей государыни, которой любой верноподданный обязан повиноваться и будет повиноваться, не исключая и вас.

Репнин не нашелся, да и не успел ответить, ибо едва отзвучали слова Бутурлина, в зал вошли Меншиков, Екатерина, поддерживающий её принц Гольштинский и еще целая свита приближенных. Не оставляя шанса собравшимся даже перевести дух, Екатерина, ответив на холодные поклоны, заговорила:

Несмотря на удручающую меня непомерную горесть, я

пришла к вам, мои любезные, с тем, чтобы рассеять вполне справедливые опасения, которые предполагаю с вашей стороны, а именно, того, что власть теперь может перейти в руки ребенка. Хочу уведомить вас, что согласно воле моего возлюбленного, дражайшего покойного супруга, который, разделяя со мной трон, собственноручно возложил на меня корону, готова посвятить оставшиеся мне дни трудным заботам о благе монархии и всеми силами стараться воспитать Великого Князя так, чтобы он сделался достойным того, кого мы теперь оплакиваем.

Без паузы, перекрывая последние слова Екатерины, не давая никому опомниться и вставить слово, громогласно вступил Меншиков:

– Виват Государыне Императрице Екатерине I! Виват! Виват!

Выкрикивая здравицы, светлейший чутко отслеживал всех и каждого. Да, как и ожидалось, подхватили не поголовно, а из тех, что подхватил, многие без должного восторга. Пока дело шло по задуманному, и Меншиков продолжил:

– Матушка, Государыня-Императрица, позволь поблагодарить тебя за столь благое и важное объявление.

– Благодарим, благодарим! – не слишком стройно затянули присутствующие.

«Продвигаемся, теперь пора отдать должное соблюдению приличий», – подумал Меншиков и обратился к Макарову:

– Господин кабинет-секретарь, скажите нам, не сделал ли

покойный Государь какого-нибудь письменного распоряжения и не приказывал ли обнародовать его?

– Нет, – раздалось в ответ. – Однако его намерения в свое время были выражены с такою торжественностью, которую нельзя было бы придать никакому письменному акту.

– Совершенно с вами согласен, впрочем, как и всё почтенное собрание, – продолжил Меншиков. – Посему в силу коронации императрицы и присяги, которую чины ей принесли, словесному завещанию государя нашего, которое он доверил своим приближенным еще в 1722 году, и благодаря милостивому согласию ее величества, Сенат может провозгласить ее государынею и императрицей всероссийской с тою же властью, что имел государь, ее супруг. Полковник Бутурлин, объявите о сем гвардейским полкам, не-то, боюсь, что они уже теряют всякое терпение. Пусть узнают, что их упования на матушку-императрицу сбылись, да грянут громкое «ура». А вам, господин Макаров, полагаю, надлежит заняться составлением манифеста. Ну и раз все решилось, мы, здесь присутствующие, можем заново принести присягу нашей всемилостивейшей монархине.

Бутурлин бросился выполнять данное ему поручение немедля, и загодя проинструктированные гвардейцы разразились громоподобным «ура» прямо среди речи светлейшего, так что тот договаривал в паузы между многократными возгласами.

– Вот и гвардия выплескивает свою радость, узнав о во-

жделенном для нее разрешении ситуации. Давайте подхватим, друзья! Гип-гип!

Сквозь жидкое «ура» в зале опять зазвучал голос Репнина:

– А не имеет ли смысл объявить императрицу не правящей монархиней, а регентшей при малолетнем царе Петре II?

«Ура!» резко оборвалось.

Глава XI

Санкт-Петербург спал той ночью крайне тревожно. Снова и снова по улицам раздавался топот копыт, грохот повозок и экипажей, скрип полозьев, причем, гнали во всю прыть, поднимая высокие и бурные снежные фонтаны на поворотах. Те, что спали почутче, или были полюбопытнее вообще не сомкнули глаз, глядя в окна, мимо которых пешие, конные, на санях мелькали люди, по одному, по двое, по несколько. Можно было увидеть и военных, и гражданских, и вельмож, а то и целый отряд солдат вдруг протопает туда, да обратно. Картину довершал почти неумолчный печальный перезвон колоколов: в монастырях и церквях в Санкт-Петербурге и окрест молились за императора. Ясно было, что царю не лучше, и что происходит нечто непонятное, да еще, что на улицу до утра без чрезвычайной надобности лучше не казаться. Зато, как забрезжит, надо бежать ко дворцу, – такая суета не иначе как связана с серьезными событиями именно там.

В доме Меншикова, наоборот, было тихо. Спальни выходили в огромный роскошный сад, никакие уличные шумы туда не долетали. Меншиков держал семью в стороне от своих дел: дети были еще малы, Дарью Михайловну не хотелось тревожить, да она не особо и набивалась в советчицы или помощницы, у неё было полно своих забот. Что хозяина нет

дома ночь напролет, никого не удивляло, – как ему не состоять при хвором императоре? Само собой, и перед сном, и как проснулась, княгиня Меншикова думала об Петре, о муже, о Екатерине, вздыхала, молилась за них, но серьезной тревоги не возникало. И совсем уж никакой тревоги не ощущалось в покоях детей, особенно, дочерей Марии и Александры. Там царили совсем другие настроения. Мария последние недели грезилась своим графом Сапегой, с которым предполагалось в скором времени её помолвить. Они были сговорены детьми, потом долго не виделись. Сапег не было в Петербурге. И вдруг, в один прекрасный день, отец без всякого предупреждения представил ей прекрасного рослого, крепкого юношу, сказав, что он – её нареченный. В мгновение во всём её существе произошло такое смятение мыслей, чувств и ощущений, что закружилась голова, и перехватило дыхание. С тех пор это ощущение так и не прошло, хотя, конечно, поутихло. Мария не могла даже определенно ответить своей сестре, как та ни пыталась, влюблена ли она, но жила в последнее время в каком-то дурманном предчувствии счастья. От постоянного соперничества Александра впала в аналогичное состояние, которое усилилось случайно оброненной отцом фразой, что теперь надо будет и ей жениха присмотреть. Своему братцу Александру они изрядно надоели разговорами об одном и том же, но он им сочувствовал, тем более, что подозревал, что и сам влюблен. Накануне они долго проговорили про болезнь царя, пожалели Ан-

ну, Елизавету и Наталью, которым грозила потеря отца, причем, Александру было особенно жаль цесаревну Лизу, и было жутко представить, что в тот самый момент, когда они уютно сидят и безмятежно болтают, её прекрасные глазки, возможно, наполняются слезами... Но к утру из их ветреных молодых голов тучи улетучились, и осталось ясное ощущение праздника, счастья и светлой надежды на большое, бесконечное и радостное будущее, которое, к тому же, так близко.

Заглянув до зари в комнату Марии, Александр застал там обеих сестер сидящими в одной кровати со слегка припухшими от сладкого сна глазками и губками и ярко разрозовевшимися щеками. Они весело болтали.

– Ах, Сапега, Сапега, Сапега! – передразнил он и вошел.

– Ну тебя, Сашка, тебе бы только дразниться! – отозвалась младшая сестрица. – Вот мы говорим: теперь по болезни царя, должно быть, долго не будет ни ассамблей, ни праздников. Печаль какая!

– Да! – с искренней горечью в голосе согласился он, думая о том, что какое-то время не сможет не только словом перемолвиться, но даже подле Елизаветы Петровны вдосталь побыть, насмотреться в её лучистые полные жизнью и заразительным весельем глаза...

– Что завздыхал? Небось, по принцессе Елизавете? – задала риторический вопрос лукавая Александра.

– Уж и вздохнуть нельзя, сразу Елизавета, Елизавета, –

вспыхнув до корней волос, проворчал Александр.

– А по ком же еще? Теперь ежели кто вздыхает, то, знамо, по ней, ох, и много у тебя соперников, братец, уж и не знаю, как ты со всеми с ними справишься! – продолжала вышучивать брата Саша.

– Будет тебе, Александра, – заступилась за брата старшая сестра.

Цесаревне Елизавете недавно пошел шестнадцатый год, всегда хорошенькая и привлекательная, в последнее время она стала обворожительна нестерпимо. Все от мала до велика особи мужского пола, хоть раз видевшие её, надолго подпадали под её обаяние. А уж те, что пребывали в подростково-молодежном возрасте, влюблялись, как правило, без памяти, но безнадежно, не признаваясь самим себе, – не смели они любить великую княжну, дочь Петра Великого, не дерзали и мысли такой попустить, а пребывали в каком-то радостно-грусном безысходном томлении и радужно-туманных безнадежных грезах. В ряды добровольных сладких мучеников входили и князь Александр Александрович Меншиков, и граф Петр Борисович Шереметев, и великий князь Петр Алексеевич, и целых несколько молодых князей Долгоруких, не исключая даже князя Ивана, лучшего друга цесаревича. В то время как родители отдавали свои силы и чувства борьбе вокруг трона, детей их одного за другим захватывал вихрь любовных страстей. А поклонение Елизавете Петровне постепенно набирало силу жесточайшей эпиде-

мии. Но как ни юны и как ни поглощены своими влюбленностями были представители молодой части двора, (а перечисленным на момент повествования исполнилось от девяти до восемнадцати лет), они отчетливо и с горечью понимали, что болезнь и, не дай Бог, смерть императора может нанести сильнейшие удары по их судьбам. И были правы. В то время, когда маленькие князья Меншиковы проводили совещание, собравшись в постели своей старшей сестры, во дворце их будущее уже который раз за эту ночь зависло на волоске.

Глава XII

Услыхав предложение Репнина, старший князь Меншиков, скорее раздосадовался, чем испугался. Провозглашение Екатерины не правящей императрицей, а регентшей, конечно же, было менее желательно, так как создавало бы большую шаткость положения и для неё, и для него, но фатальной опасности в себе не заключало. Куда хуже было, что одно, высказанное альтернативное предложение, может повлечь за собой и следующее, куда менее удобное, значит, такой почин надо заглушить немедленно и окончательно.

«Хорошо Репнину возвышать свой голос», – судорожно размышлял Алексей Долгорукий, его-то, начальника гвардейских полков, гвардия не схватит. Однако коли он сделал нам услугу, открыв дискуссию, упускать момент не след».

Никто из Долгоруких и их сторонников не успел открыть рта, хотя они понимали ситуацию, как и Алексей Григорьевич, каждый из них полусознательно, полуподсознательно предпочитал, чтобы начал другой, отсюда и проистекала вялость реакции, все они были готовы, но никто не спешил уцепиться за соломинку, протянутую Репниным. Меншиковская партия была быстрее и проворнее. Екатерина решила, пауза не уместна и не на руку и, во-избежании ошибок, предпочла закрыть её на первый случай обтекаемой фразой и величественно произнесла:

– Если великий князь захочет воспользоваться моими наставлениями, то я, может быть, буду иметь утешение в своем печальном вдовстве, что приготовила вам императора, достойного крови и имени того, кого мы только что лишились. Я – сирота, вдова, поручаю вам себя и своих детей.

Меншиков подхватил, не давая никому опомниться:

– Матушка, государыня-императрица, столь важное и благое объявление требует зрелого и здорового обсуждения, ибо дело касается блага и спокойствия империи. Хочу просить тебя о милости.

– Сделай одолжение, проси, – был ответ.

– Ваше императорское величество, дозволейте нам свободно и верноподданнически обсудить все тонкости сложившейся обстановки, дабы все, что будет сделано, всегда оставалось безукоризненным в глазах нации и потомства. Прикажи нам удалиться и назначь нам время, к которому мы должны справиться, – продолжил светлейший.

– Я выполню твою просьбу, князь, лишь частично.

– Заранее подчиняюсь тому, как ты рассудишь, матушка-императрица. Повелевай!

Своими оборотами и фигурами речи Меншиков давал понять, что для него, и для остальных, Екатерина является уже правящей монархиней, стало быть, всем должно быть ясно, что предстоящее обсуждение – лишь дань соблюдению проформы.

– Как я действую более для общего блага, чем для соб-

ственного, я не боюсь, что до меня касается отдать на ваш, милостивые государи, суд и не только позволяю, но приказываю размыслить с полным тщанием. А вот время назначать вам не стану: в серьезном деле спешка – только помеха. И удалиться не велю. Ибо сама удаляюсь к своему возлюбленному супругу.

Произнеся эти слова, она медленно повернулась и вышла, тем самым показывая, что возражений не потерпит.

Меншиков, почтительно склоняясь, изобразил полную и трепетную покорность:

– Нижайше благодарим тебя, матушка-императрица.

Как только двери за Екатериной закрылись, тон светлейшего резко изменился на деловой, непререкаемый и напористый:

– Господин кабинет-секретарь, скажите нам, еще раз, не сделал ли покойный государь какого-нибудь письменного распоряжения, не приказывал ли обнародовать его?

Макаров четко понимал поставленную перед ним задачу и заговорил медленно, отчетливо, как бы разжевывая для непонятливых очевидные вещи:

– Незадолго до своего последнего путешествия в Москву государь уничтожил завещание, сделанное за несколько лет перед тем. После он неоднократно говорил о намерении составить новое, но не приводил его в исполнение, удерживаемый размышлением, которое часто высказывал...

– А вы не соблаговолите ли, сударь, уточнить нам, о ка-

ком таком размышлении императора идет речь, – наконец, решился и успел Василий Лукич Долгорукий.

– Охотно, – с вежливым терпением в голосе отозвался Макаров. – Тем более, уверен, многие из здесь присутствующих тоже его слышали. Он говорил: «... если народ мой, которого я вывел из невежественного состояния и поставил на степень могущества и славы, окажется неблагодарным, тогда я бы не хотел подвергнуть своей последней воли возможности оскорбления. Зато, если народ чувствует, чем он обязан мне за труды, то будет и так сообразовываться с моими намерениями, выраженными с такою торжественностью, которую нельзя было бы придать письменному акту», – примерно так.

– Все, что вы говорите, милостивый государь, как-то туманно, проявился и Алексей Григорьевич, – Зато ясно одно, что ближайшим и прямым наследником по мужской линии является родной внук императора – цесаревич Петр Алексеевич...

Немедленно раздались угрожающие выкрики гвардейских офицеров, число которых в зале, ни для кого не заметно, существенно возросло:

– Да он не хочет принять волю покойного императора!!! Это измена! Не желаем слушать!

«Откуда их тут столько взялось», – досадливо подивился Долгорукий, и, сделав вид, что ему не дают закончить, умолк.

Головину, который был на стороне Екатерины, почему-то показалось важным создать впечатление полной объективности дискуссии, и он принялся было рассуждать:

– Вдовствующая императрица могла бы быть регентшей пока...

Но снова раздались угрожающие возгласы: «Смутьяны!», «Недаром покойный император опасался их неблагодарности!»

Головин замолчал. “ Бог с ними, с изысками, – рассудил он. И так сойдет, а то эти одры еще, и правда, во мне супостата увидят, а как разойдутся, так и костей не соберешь.»

На счастье зазвучал зычный бас Феофана Прокоповича, без усилия перекрывая шум и крики и заставляя всех мгновенно умолкнуть:

– Дорогие, дорогие братья во Христе! Дозвольте обратиться к высокому собранию с просьбой дать мне сказать свое слово?!

– Мы просим тебя, отче, – отозвался Меншиков за собравшихся в зале.

Он знал, митрополит не подведет и не оплошает. Хотя протяжки и риторические упражнения начинали вводить его в нешуточное раздражение. Разумеется, приличия нужно соблюдать, но, почто Долгорукие топорчатся, ведь видно, что давно смекнули, что дело определено, и им предложено спокойно принять судьбу!

Между тем все превратились в слух.

Глава XIII

Феофан заговорил:

– Прежде всего, братья мои, мне хотелось бы напомнить вам о правоте и святости присяги, которую вы принесли в 1722 году. В ней вы обязались принять наследника, назначенного государем.

Опять встрял князь Василий Лукич:

– Но здесь не видно такого ясного назначения, как пытается представить господин Макаров.

Репнин подхватил:

– А недостаток ясности можно признать за признак нерешительности, в которой скончался монарх.

Алексей Долгорукий тоже счел своим долгом поучаствовать, хотя ни на что серьезное не надеялся с момента барабанного боя:

– Нерешительность налицо. Посему можно рассудить так, коли сам император не определил судьбу монаршей власти, значит, он оставил решить этот вопрос государству.

Репнин же, казалось, принимал пустые словопрения за чистую монету:

– А что до коронования императрицы, то оно не может давать столь обширных прав. У большей части других народов супруги государей коронуются, не получая права претендовать на престолонаследие!

«Нет, они меня сейчас доведут, – уже не на шутку злился про себя Меншиков. – Еще немного и я велю арестовать! Вместо того, чтобы с покойным побыть, помолиться, приходится на их беспомощные потуги смотреть!!! Ну, Феофанушка, разберись-ка с ними поскорей, не пропусти, чтоб я в гнев вошел».

Феофан Прокопович, будто услышав отчаянные мысли светлейшего, взялся за дело энергичнее:

– Иль вы хотите запутать дело, братья мои, или вам просто не ведома истина. Выслушайте же. Накануне коронации императрицы его величество, открывая сердце перед своими верными слугами, очередной раз подтвердил, что возводит на престол достойную свою супругу только для того, чтобы после его смерти она могла стать во главе государства. Ссылаюсь тогдашних свидетелей. Великий канцлер Головкин, тебе ли не помнить государевы слова?

– Да, но то было до... – снова сделал попытку сохранять объективность граф Головкин.

Перебивая его, раздались голоса из разных концов зала: «Мы слышали! Мы подтверждаем!»

Алексей Григорьевич, почувствовал слабую надежду, услышав головинское «но...», и не удержался, хотя ясно видел, что светлейший вот-вот сорвется:

– Не следует ли обратиться к мнению народа?

Но офицеры делались энергичнее:

– Кто ж?! Какой народ осмелится ослушаться воли госу-

даря нашего Петра Великого?! – послышалось из их рядов.

– Тем более что об избрании речь не идет, – завершил Бутурлин.

– Разумеется, мы здесь собрались лишь для декларации, – поддержал Толстой, которому тоже надоело разводить антимонии.

И Меншиков перешел к эндшпилю:

– Однако, друзья мои, как вы запальчивы! Наша императрица велела нам обсудить обстоятельства спокойно, и вдумчиво, а вы даже не дослушиваете друг друга. В шуме я не уловил, как следует, подтвердил ли слова митрополита наш великий канцлер. Граф?

– Да, – повторил Головкин.

– Все слышали? Великий канцлер подтвердил. Какого другого удостоверения нам надо! В таком случае, государи мои, я не спрашиваю никакого завещания. Если наш великий император поручил свою волю правдивости знатнейших своих подданных, не сообразовываться с сим было бы преступлением и против их чести, и против самодержавной власти государя. Я верю вам отцы мои и братья! – патетически завернул Меншиков.

– Считаю, что в силу коронации императрицы и присяги, которую все чины ей принесли, Сенат может провозгласить ее государынею и императрицей всероссийскою с тою же властью, которую имел государь, ее супруг, – расставил точки над *i* Толстой и тут же подтянул Меншикову, который

на последних звуках его речи грянул:

– Да здравствует наша августейшая государыня-императрица Екатерина I!!! Ура!

Теперь подхватили единогласно, причем, один другого громче, сочтя за благо долее судьбу не испытывать.

Глава XIV

Дело было сделано. Тем временем Санкт-Петербург полностью проснулся. У дворца собрались огромные толпы. Безразличных к судьбе императора и России в городе не было.

Дальше Меншиков действовал как-то полуавтоматически, хотя ничего и не опускал. Народу было объявлено; золотые и серебряные монеты разбросаны; манифест написан, утвержден, оглашен и разослан; в иностранные государства отправлены соответствующие сообщения; императрица приняла присягу и поздравления; подарки, пожалования и посулы были розданы и прочее, и прочее. Управляя всеми этими актами и процессами, Меншиков наполовину отсутствовал, единственно чего ему по-настоящему хотелось – побыть с покойным, помолиться от души и вдоволь и отправиться домой. Сколько суток он толком не спал и не ел, сосчитать он не мог, да и не пытался. Время подошло к полудню, а дела, которые необходимо было завершить сегодня и сейчас не иссякали. Светлейший вдруг потерял терпение и разозлился на себя за то, что до сих пор не может оторваться от суеты сует ради того, чтобы помолиться о душе Петра. Меншиков даже затруднялся сформулировать, кем был для него император. Благодетелем? Отцом? Учителем? Другом? Воспитателем? Судьей? Наставником? Опорой? Защитой? – пере-

дать одним словом невозможно! Нет такого емкого слова ни в русском, ни в каком другом известном ему языке. Петр был его вселенной, в ней он жил всю свою сознательную жизнь. Что теперь? Хорошо еще, что мысль о том, что Петра больше нет, никак не могла полностью войти в сознание. Наскоро распределив дела и ответственности, Светлейший направился к покойному императору. С глубоким чувством и проникновением помолвившись и поразмышляв о тщете сущего, он решил не возвращаться в круговорот мелких обязанностей, а направиться домой. Там заключалось самое дорогое, что оставалось у него на свете. Он быстро вышел.

Длинная темная глухая и студеная январская петербургская ночь, наконец, отступила и сменилась ясным, солнечным, слепящее ярким зимним утром. Все искрилось и сияло вокруг. Кресты и купола церквей – золотом, заснеженные крыши домов, улицы, тротуары, лед Невы – бриллиантами, серебром, жемчугами и платиной, в слюдяных окнах разливались яркие радуги и мерцали солнечные блики. Никакой иллюминацией, никакими фейерверками не достигнешь такой красоты. Меншиков очередной раз припомнил, как маленьким, хоть и хорошо знал, что так блестит на морозном солнце снег и лед, все же принимался бегать от одной переливающейся точки к другой, в надежде, что тут-то лежит не льдинка, а настоящий алмаз, который даст его семье пропитание и благоденствие. Он порой набирал горсти сияющих кристаллов, и даже держа их в руках не мог поверить, что

столь прекрасна может быть обыкновенная застывшая вода, и нес «драгоценности» матери, но ей было не до любования мерцанием льдинок, и она, безжалостно вытряхивала «богатства» из его ладоней, приговаривая, что еще не хватало, чтобы он руки отморозил.

Он нашел-таки свое богатство на улице, несколькими годами позже, но, не отыскав сокровища, а попавшись на глаза Петру. Сейчас, глядя на алмазные струи взмывающие из-под полозьев его роскошных саней, Меншиков вдруг на мгновение понял, что настоящей ценностью в его жизни была лишь встреча с Петром и возможность оставаться при нем целую жизнь, а то, чем набит его дворец, что лежит в банках, те города и села, которыми он владеет – лишь льдинки и легко могут бесследно растаять. «Петр, да семья – мои единственные драгоценности, – мысленно резюмировал Александр Данилович. – Петра больше нет. Остается семья, да Санкт-Петербург, ещё дела Петровы. Господи, как много нужно сделать, доделать, переделать, чтоб не стыдно было перед НИМ! Хорошо, что власть взял, хотя бы поэтому хорошо! А с детьми сколько забот предстоит... Насчет Сапег теперь нужно крепко подумать...» И как-то по мере приближения к дому его мысли потекли в более привычной плоскости, опустились на землю, стали деловитыми, и сам он постепенно успокоился, уравновесился, подъезжая, быстро и тщательно вытер незаметно для него самого обильно лившиеся слезы и в дом вошел совсем иным.

Глава XV

Ему навстречу, разумеется, спешила Дарья Михайловна:

– Батюшка, дорогой! Что там? Как?

– Тяжко! Устал! Но мы на троне, – коротко описал ситуацию светлейший.

– Грех, грех, свет мой, что, право, ты несешь! Устал? Что Петр?! – пыталась ничего не понявшая жена.

Меншиков тянул паузу, тщетно подбирая слова, которые помогли бы ему с наибольшей мягкостью сообщить жене страшную весть. Он мысленно выругал себя за то, что заранее не подготовил подходящей фразы, но это не помогло, и он бухнул:

– Нет Петра, отыде в лучший мир...

– Боже милосердный, за что?! Осиротели, все осиротели!!! Ах, Петр Алексеевич, Петр Алексеевич!!! Ах не жалел ты себя... – принялась искренне сокрушаться и рыдать княгиня.

– Да, никогда не жалел... А уж после Монсовой истории и совсем, как специально на рожон лез. Такое уж у него настроение было, знать, судьба его вела, – расфилософовался Меншиков.

– Дался ему этот Монс! – запричитала Дарья Михайловна.

Меншиков продолжал рассуждения:

– Не в Монсе дело, – в Екатерине сильно усомнился, от-

делаться никак не мог, видать...

При имени своей старой приятельницы Меншикова встрепенулась:

– Как она-то сердешная?

– Она? Прекрасно!

– Креста на тебе нет! Как можно!!! – возмутилась жена его ответу.

– Прекрасно, в смысле, на престол взошла, а так, конечно, горько ей.

– Екатерина? На престол? Уже? – неподдельно удивилась княгиня.

Меншикову не хотелось вдаваться в подробности:

– Да, свет мой, да. Иначе никак нельзя было. Иль ты не рада? – умело сбил он ход ее вопросов.

– Как не рада? Рада! Слов нет. Только не ожидала, – действительно несколько переключилась княгиня.

– Все твой муженек! – не выдержав похвастался Светлейший.

С самого первого их знакомства, он замечал сам за собой, что при ней его безудержно влечет распускать хвост, причем, как можно шикарнее. Он пытался сдерживаться, но никогда ему в полной мере не удавалось. Вот и теперь он сделал усилие и сам перебил себя:

– Как дети-то здоровы?

– Здоровы, слава Богу... – мгновенно отреагировала Дарья Михайловна. Про детей она готова была говорить всегда,

езде и в неограниченном количестве.

Но и Меншикову было трудно владеть собой, коль скоро он сел на любимого конька:

– Вот и хорошо, – быстро перебил он жену, узнав главное, что его интересовало и продолжил:

– Да, тяжко, что Петра нет, но справимся. Себя, столицу, государство в обиду не дадим... зато что бы я не дал, лишь бы Петр еще пожил... да! Однако, никуда не денешься. Беру все на себя...

Глава XVI

В то время, как светлейший князь принялся излагать жене план «своего правления», князья Долгорукие медленно, как бы нехотя и как бы сами себе не веря, что бой проигран и упования рассеялись, направлялись к своим каретам. Петра больше нет. Свершилось то, чего они в глубине души долгие годы с надеждой ждали, а вместо радости или хотя бы облегчения, они испытывали глубокое уныние, которое даже не имели удовольствия открыто проявить по крайней мере на людях. Вот оно коварство судьбы! Кажется, ещё чуть-чуть и ухватишь её за хвост, и тут промахиваешься и, не устояв, летишь в тартарары. Бредя по коридорам дворца, не переговариваясь, и даже не глядя друг на друга, сторонники Петра II, постепенно приходя в себя, начинали понимать, что их взяли на неожиданность и на испуг, если не сказать на «фу-фу»! На барабанную дробь, да несколько выкриков офицеров! Столько подготовки, столько обсуждений, столько вождений, – и несколько мгновений малодушия и нерешительности погрузили их из огня да в полымя. Раньше им претило, что ими помыкает Петр – исконный царь, поистине великий император, теперь придется терпеть то же, а, глядишь, и худшее и от кого?! От портомой (именно на такую должность на первых порах определил покойный Шереметев ныне провозглашенную самодержавную императрицу всея Ру-

си, когда та попала в плен в Мариенбурге), да от уличного продавца пирожков, безродного Алексашки Меншикова!!!

– Видно, Бог нас очень любит, что подвергает новому суровому испытанию, – сказал Василий Лукич поравнявшемуся с ним Алексею Григорьевичу и замолчал, уверенный, что кузен мыслит в унисон и пояснения ни к чему.

– Воистину, – тяжело выдохнул тот. – Ведь гордыня, как известно – страшный грех...

– И нам теперь придется с ней бороться и денно и нощно, если не хотим сдать остальные позиции, – продолжил Василий Лукич и предложил: – Садись-ка в мою повозку, князюшка, побеседуем толику по дороге домой.

– С тобой, братец, я беседовать рад, хотя дело ясно и без слов, – говорил Григорий Алексеевич, тем ни менее забираясь в карету родича. – Эко! Какой день разошелся ясный да яркий, видать, солнышко во весь рот смеется над нами, горемычными. Меншикова, считай, на трон посадили!!!

Во дворце Меншикова тем временем продолжалась беседа супругов. Сама того не подозревая, княгиня вторила словам Долгоруких:

– Да, что ты, право, будто и впрямь сам на престоле.

– На престоле – не на престоле, а править буду, должен. Екатерина не сумеет, – и видя, что жена собирается спорить, Меншиков продолжал с напором. – А я смогу, обязан! Коль не хочу увидеть, как наперекор Петру Россию вспять покажут, ломая все им созданное по пути, как опустеет Санкт-Пе-

тербург, как армия и флот растают... Не хочу! Я тоже много сил вложил! Что говорить? Знаешь!

– Пожелает ли Екатерина делиться властью. Не осерчает ли? – как обычно, пыталась охладить пыл мужа Дарья Михайловна.

– И-и-и, матушка, нечто тебе невдомек. Она давно устала быть в напряжении, которого требовала близость Петра. Да, она умела держать себя на должной высоте, но как вьюнок, обвивающий могучее дерево... Никогда у нее не было ни настоящего интереса, ни внимания к делам, ни способности начинания и направления действий. Перед Петром она чувствовала лишь трепет, если хочешь, просто хорошо скрывае-мый страх. Она обессилила от беспрестанного самоконтроля и, тебе ведомо, давно начала давать сбои. Да, она не только захочет поделиться, она сама власть мне в руки вложит, вот посмотришь. Она жаждет расслабиться, пожить спокойно, в удовольствиях. И пусть себе, и правильно! Она – женщина. Пушай! – ещё сильнее кипятился князь.

– А коли не тебе, кому другому она доверит править? – неутомимо противостояла Меншикова.

– Кому?!!

– Толстому, скажем, иль Головкину, а то кому-нибудь из фаворитов, вроде Монса, чай, их теперь немало будет? – продолжала гнуть свою линию княгиня.

– Будет, но мне одному она обязана судьбой, причем, как минимум, дважды. Мне доверяет, а она осторожна, что есть,

то есть. Мы с ней за двадцать с лишком лет друг друга ни разу не предали...

Вечные чрезмерные амбиции мужа постоянно не давали покоя Дарье Михайловне, пугали ее.

– Ах, что-то будет? – искренне взволновавшись, воскликнула она.

– Ладно будет, как мы решим! На первых порах возьму себе назад военную коллегия и разберусь там хорошенько. Ни один солдат не пойдет больше на строительные работы. Пока мирное время рекрутские наборы прекратим. Тех, что набраны, оденем, накормим, обогреем...

– Ну, поехал, – укоряла Меншикова, но муж её закусил удела и, не обращая внимания, развивал свою мысль:

– Помнишь, как Петр сказал по заключении Ништадского мира? «Должно всеми силами благодарить Бога, но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии Греческой!» Ах, Господи, грехи наши тяжкие, не уберегли Петра!!! Как представишь, мой ангел, с какой тайной радостью воспримут при дворах весть о его смерти.

– Горестно подумать!!! – не могла не согласиться княгиня, и было пересохшие слезы снова ручьем покатались у неё из глаз.

– Как их раздражает, что Петр, всех раздвинув, поставил Россию на подобающее место! Как любо им порассуждать было, что сила наша – один лишь гений императора.

– Что до последнего, так тут они ох как правы! – успела

вставить жена.

– Тут-то – да!

– Теперь с его смертью будут ждать, что наше значение сильно уменьшится... – посетовала Дарья Михайловна, которая, как ни отрещивалась от участия в государственных делах, дискуссиях и интригах, а привыкла мыслить государственно, сама того не замечая.

– Смею надеяться, что оно уменьшится не так значительно, как они мечтают. Смуты не будет! Россия, по-прежнему, в твердых руках, пусть мы потеряем чуток престижа, но не считаться с нами уже нельзя будет никогда! – слегка рисуясь, выпалил муж.

– Больно ты грозен, отец мой, – попробовала вышутить его княгиня.

Уловив иронию, и не желая слишком волновать жену, Меншиков решил, что и действительно пора уняться:

– Устал, – признался он. – Ничего-ничего. Отдохнем. Время пройдет – горе поотпустит. Заживем. И о стране, и о себе подумаем. Свои дела с начетами, с казной прекращу немедленно! Потом испрошу себе все-таки Батурин – 1300 дворов, чуешь? Да 2000 дворов Гадятского Замка... А там, может, и генералиссимуса...

– Неуемный! Иди-тка отдохни! Иль, может быть, поешь? Ведь, поди, не одни сутки не ел?

– Когда ел, не помню, но сейчас не смогу. В горле ком...

– Только не ропщи! На все Божья воля.

– Да, Божьих промыслов нам не понять! Прилягу, – сказал он, поднимаясь из кресла.

– То-то дело. Денщик! Проводи их светлость в опочивальню, – кликнула княгиня прислугу, и сама пошла с мужем.

– Ты, душа моя, чаю, сейчас к детям направишься? – поинтересовался светлейший, входя в свою спальню.

– Да, хотела. Там уж, наверное, и граф Сапега...

– Вот я как раз насчет него... Дарья, не спеши спорить, вдумайся в то, что я тебе скажу.

– Кто спорит?

Меншиков начал снова:

– Дарья, у меня нет ни сил, ни желания вести дискуссии. В первый момент у тебя вызовет протест то, что я тебе собираюсь предложить, давай договоримся, что обсудим позже, а пока просто поддержи в голове мысль, что Сапегу понемногу хорошо бы начать отводить, или еще лучше и вернее отводить Марию от Сапеги.

На короткое время Дарья Михайловна лишилась дара речи.

– Княгиня, прошу тебя, перестань делать такое лицо, – взмолился Меншиков. – Просто подумай о сем сама, потом посоветуемся, а теперь, пожалуйста, позволь мне немного отдохнуть, ты ведь согласна, что мне это необходимо?

Княгиня только и могла, что кивнуть.

Глава XVII

Направляясь в гостиную, где она предполагала найти детей, княгиня Меншикова страшно ворчала про себя. Она, которая всю жизнь стремилась к спокойствию и умиротворению, вынуждена была вечно жить на действующем вулкане. Вот и теперь, как обычно. Мало того, что болел и скончался царь, уже тут волнений и переживаний ей через край. Мало того, что муж объявил, что собирается править Россией, что совсем сверх меры... теперь она узнает, что со всех сторон устраивавший всех во главе с самым светлейшим и приглянувшийся Машеньке жених должен быть отставлен. Богат несметно, знатен, молод, статен, красив, здоров, – чем он не пара Марии?! Что лучшего собирается предложить ей отец? Ах, как тяжело! Как тяжело! Да ещё предстоит объявить детям о кончине Петра! Собравшись с силами и приготовив мягкую улыбку, княгиня вошла в малую гостиную, где собралась обычная для последнего времени компания. По выражениям лиц детей, она поняла, что, по крайней мере, одно тяжкое дело отпало, сообщать о смерти императора не придется. Княжна Мария первой подбежала к ней:

– Мы знаем, матушка! Какое горе-горькое! Как вы себя чувствуете? Как батюшка?

Всегда чуткое дитя, теперь, счастливая предстоящей помолвкой, она стала ещё добрее, предупредительнее и забот-

ливее к окружающим.

– Ах, ангел мой, я даже не чувствую, как я себя чувствую, и, если, как на сердце, то в толк взять не могу, как теперь быть нам, России без императора! Да и понять, вообразить не могу, что его боле нет на сем свете! Царствие ему небесное!

Младшие дети Саша и Саша завсхлипывали. Дарья Михайловна прижала их головенки к себе. «На поверку совсем малыши, что-то с ними будет теперь?» Обнимая их, и закрепив на лице приветливое выражение (княгиня, с ранней молодости находившаяся при дворе и царской чете, умела делать это виртуозно), она слышала приветствия и успокоительные слова Сапег, но не слушала их, а размышляла о своем, одновременно пристально вглядываясь в графа. Даже сквозь горькие чувства, связанные со смертью царя, целиком заполнявшие её, она недоумевала, почему у неё такое двойственное отношение к нему. Умом она не могла не ценить Петра Сапегу как жениха для Марии, ни разу не замечала она ни одного неверного шага его по отношению к ней или к кому-нибудь из их семьи. Ничего дурного про него не ведала и не подозревала. Однако чисто интуитивно она не принимала молодого графа. Вот и теперь головой она не одобряла замысла мужа отстранить Сапегу, а в глубине души приветствовала. Ситуация позволяла приступить к выполнению просьбы светлейшего легко и придать своим действиям вид не только необходимый, но совершенно естественный. Она до-

слушала нареченного дочери до паузы. Легкой и скорбной улыбкой выразила своё согласие и одновременно остановила и заговорила сама:

– Вы, должно быть, понимаете, граф, что наша близость к императору усугубляет те скорбные чувства, которые испытывают теперь все. Посему я, надеюсь, совершенно уверена, что вас не обидит, что во время траура, по крайней мере, какое-то время, мы не сможем почти никого принимать... Даже вас.

– Разумеется, княгиня, я глубоко понимаю вас, и не может быть и речи ни о каких обидах. Я лишь прошу простить, что не предусмотрел сего сам. Позвольте мне незамедлительно откланяться с уверениями искренней преданности и любви к вашему высоко достойному семейству.

Меншикова, молча, поклонилась в ответ, дети последовали ее примеру.

Глава XVIII

«Вот и чудно, – радовался молодой граф Сапега, развалившись в санях и направляясь ко дворцу с целью узнать последние новости, – пока суть да дело мне лучше там не бывать, очень мило, что мне не пришлось придумывать предлог самому. Пока надо осмотреться, как пойдут дела теперь у моей ненаглядной нареченной. Если отец её, как водится, выкрутится и окажется по-прежнему наверху, на что я искренне надеюсь, можно будет продолжить сватовство, да и с помолвкой не затягивать. Если же наоборот, то первое время воздержусь от посещений, как бы из деликатности, а потом, мало ли что, может, и отец в украинские имения отозвать, может... Словом, отойти потихоньку повод отыщется».

Юный граф Сапега относился к тому типу людей, которые чуть ни от рождения руководствуются исключительно расчетом, причем, самым, что ни на есть материальным. Их мало волнуют какие-либо чувства, кроме жажды денег и власти, лишь в этой сфере они в состоянии испытывать поистине сильнейшие страсти. Поэтому следующая мысль остро и больно кольнула его:

«Однако, – припомнилось ему, – что-то княгиня, хоть и явно убитая горем, была, притом, и как-то чересчур спокойна для жены человека, идущего ко дну. Князь, к моменту ее появления в гостиной, не менее как за четверть часа вер-

нулся домой... и не мог ничего ей не сказать, следовательно, вести для семейства принес вполне добрые... Меня же выставили... Не оказались ли новости настолько хороши, что я стал негож?!», – от последней догадки его бросило в жар, и сердце бешено заколотилось.

– А ну наддай!!! – крикнул он кучеру. Теперь ему совсем не терпелось выяснить, чем кончилось во дворце. Он судорожно прикидывал, как и за что зацепиться, если Меншиков, и вправду, выпрыгнул ещё выше и, действительно, сочтет желательным заменить его. Сапегу сковало внутренним холодом, руки и ноги задрожали, как в лихорадке. Было ощущение, что он вот-вот умрет от досады и беспомощности. И вдруг наступило полное успокоение.

– Она же в меня влюблена!!! – выкрикнул он вслух.

– Чего изволите, ваше сиятельство? – в один голос уточнили лакей и кучер, не поняв неожиданного возгласа хозяйина.

– Можно потише, говорю, остолопы! – огрызнулся граф, впрочем, не зло.

На душе улеглось. Княжна Мария не подведет, за неё зацепиться можно будет и удобно и надежно, если понадобится.

Переживания стихли, и он принялся смотреть в окно. И тут заметил, что Санкт-Петербург изменился до неузнаваемости. Сначала никак не мог понять, в чем собственно дело. Все на месте и день хорош, однако, город, выглядел, как

в воду опущенный, понятно умер царь, но... Наконец, он осознал, что за время проезда от меншиковского до Зимнего дворца разминувшись с массой саней, повозок, карет и пешеходов и со многими раскланявшись, он не встретил ни одного незаплаканного лица, ни одного безмятежного или хотя бы равнодушного, а тем более веселого выражения.

«Похоже, во всем Петербурге только я не плачу» – мелькнуло в его сознании, и он снова вернулся к своим расчетам.

То, что он узнал во дворце, подтверждало его предположение о возможной попытке отстранить его, но больше не пугало, он был уверен в «своей Марии» настолько, что принял решение подольше выждать с визитами к Меншиковым.

«Пусть поскучает!» – самоуверенно решил он, и было начал планировать, чем займет высвободившееся время, как его снова обожгла неожиданная мысль. На сей раз исключительно приятная: «А что если? Попробовать! На меня поглядывала», – обрывчато заработал его мозг: даже про себя он боялся полностью проговаривать то, что пришло ему в голову. Остальное его существо замерло в сладкой надежде, что расчеты дадут положительный результат, и можно будет начать попытки. Новая идея представлялась невероятно заманчивой и при удачном развитии открывала бескрайние горизонты.

«Однако, что я спешу из дворца, – последовал вывод. – Я – свой человек в доме светлейшего князя, не может мне быть отказано в чести постоять у гроба покойного великого

императора. Попробую сразу...»

Он навел справки и узнал, что пока допускаются наиболее близкие люди, но как только будет приготовлена траурная зала, прощаться с императором дозволено будет любому желающему. Прикинув шансы, граф передумал: «Нет смысла тратить усилия и втираться туда сегодня, чего доброго никто и не заметит, – размышлял он. – Вон, даже у лакеев глаза заплаканы так, что едва открываются!»

И граф вышел из дворца. Дожидаясь, пока подгонят его сани, глянул на караульного. У того глаза и нос сильно припухли. От нечего делать Сапега спросил:

– Никак и ты наплакался, служивый?

– Хорошо вам, ваше благородие, сохранять спокойствие, коль вы не были здесь, когда манифест о смерти царя-батюшки оглашали! Если бы вы своими ушами слышали, какой тут вой и стон стоял, – не выдержали бы. Да сейчас едва ли кого, не наплакавшегося, и найдешь. И слезы снова сами собой побежали из его глаз.

«И правда, – согласился Сапега, снова понаблюдав из своих саней по дороге домой. – Действительно, ни одной незаплаканной физиономии! Все рыдают! Ну и народ!»

Да, без малейшего преувеличения можно сказать, что плакал весь Санкт-Петербург. И по мере того, как приходило осознание масштаба и реальности утраты, скорбь захватывала город полнее и сильнее. Даже те, кто ещё несколько часов назад были заклятыми врагами царя, теперь не могли удер-

жать слез.

Оставшись наедине с собой, ворочался, не спал и плакал светлейший князь Меншиков, плакала княгиня и дети. Плакали дочери, внуки Петра и вдова-императрица. В Санкт-Петербурге сам собой установился траур и с вестью о смерти Петра постепенно распространялся по стране. Громче, печальнее и мощнее зазвучали церковные колокола, плотнее заполнились церкви и соборы, – теперь молились за упокой души императора – Отца Отечества, Отца Санкт-Петербурга.

Глава XIX

Вдоволь наплакавшись и, разве что, ненадолго забывшись сном, Меншиков проснулся и почувствовал, что его глаза снова заполняются слезами. «Нет, негоже! Я разлегся и источаю слезы, а там полно хлопот, и все делается без должного надзора!» – рассудил светлейший и резко вскочил, потребовав немедленно одеваться. Скоро он вышел из своих покоев внешне уравновешенным и деловитым. Не позволил княгине задерживать себя, лишь, чмокнув на ходу ей ручку, выдал необходимые инструкции:

– Поддерживай чад наших, душа моя, да, может быть, после наведаешься к Екатерине, а то и детей прихвати с собой, пусть навестят Анну с Елизаветой и Натальей, впрочем, гляди, как знаешь.

И не позволив ей и слова сказать в ответ, заспешил к выходу. Его роскошные сани ожидали у крыльца, вымуштрованная челядь позаботилась заблаговременно. Ибо хорошо было известно, что Меншикова гневить не след ни при каких обстоятельствах, а теперь, когда он в глубоком горе, и тем паче.

И вот он летел в санях по набережной, потом по льду Невы, и левому берегу. Хотя было лишь немного за полдень, яркое, но холодное зимнее солнце явно клонилось к западу, спеша уступить небосклон жадной, темной, длинной зимней

ночи, и его свет начал потихоньку приобретать розоватые оттенки. Санкт-Петербург в подобном освещении был безмерно прекрасен, как в прочем и всегда, однако, сегодня виды не вызвали у светлейшего чувства переполняющей радости и гордости, как обычно, а, наоборот, жгучая печаль подкатила к горлу и стала душить, хорошо, что путь был недолог, и сани подкатили к входу в Зимний дворец Петра. Меншиков быстро выскочил из них и стремительно направился к Екатерине, тем ни менее успевая привычным взглядом на ходу схватывать, что делается и как, и даже бросать надлежащие указания.

Траурная зала с отдельным входом с улицы была практически подготовлена, но Петра туда еще не перенесли. Екатерина с дочерьми и внуками была при покойном. Меншиков тихо присоединился к чтению молитв. Он углубился в молитву искренне, горячо и столь самозабвенно, что перестал замечать что-либо вокруг, включая течение времени, и очнулся лишь, когда настала пора переносить почившего императора. Светлейший счел за благо отвлечь на некоторое время императрицу делами.

– Ваше величество! Не соблаговолите ли уделить мне минуту-другую для обсуждения с вами насущных вопросов? – обратился он к ней.

Царица не отказала, и они расположились в кабинете для беседы. Но начав излагать ей дела, Меншиков заметил, что она не в силах сконцентрировать внимание на разговоре.

«Бедная, она искренне страдает, и как иначе, – размышлял он, наблюдая за ее состоянием. Столько пережить за один день: потерять мужа, оказаться сначала на волосок от плахи, потом стать самодержавной императрицей всея Руси! Надо помочь ей сосредоточиться, снять нервное перенапряжение и продолжать работать над укреплением своего нового положения».

Незамысловатая идея не заставила себя долго ждать.

– Матушка императрица, – сказал он, прерывая свои государственные рассуждения. – Хочу просить тебя позволить помянуть усопшего нашего императора бокалом доброго вина, аль рюмкой водки, как прикажешь. Да и соизволь сама присоединиться ко мне.

На удивление Екатерина согласилась сразу и распорядилась немедленно.

Выпитая рюмка на давно голодный желудок подействовала мгновенно и благостно. Видно было, что царица несколько расслабилась, поуспокоилась и смогла вслушиваться в то, что толковал ей Меншиков, но тот несильно преуспел, так как императрица, ощутив облегчение, скоро возжелала еще и еще раз помянуть мужа, после чего светлейшему стало очевидно, что на сегодня согласования надо оставить, и поступать по своему разумению.

– Матушка императрица, – обратился он к Екатерине с новым предложением, – а не прикажешь ли распорядиться, чтобы фрейлины препроводили тебя в твою опочивальню

для короткого отдыха после столь долгих бессонных и тяжелых дней.

И опять светлейший не встретил возражений, и передав императрицу на руки камер-фрау, предался многочисленным хлопотам.

Глава XX

Потекло время без Петра. Столица стала трудно и медленно приходить в себя. Изю дня в день с раннего утра до позднего вечера сплошной вереницей люди тянулись через траурную залу, чтобы попрощаться с царем. Ежедневно туда приходила и Екатерина. Она подолгу, по несколько часов, оставалась у гроба, непрерывно плача. Частенько приходили и родные, и близкие. Разумеется, Меншиков бывал каждый день, порою и не один раз. Подле Петра ему почему-то было легче, сами собой приходили решения и хозяйственных, и государственных дел, проще и стройнее складывались планы. А они у него, как всегда, были грандиозные, и в отношении своей семьи и в отношении Санкт-Петербурга и России.

Екатерине возле Петра было спокойнее. Она чувствовала, что пока ОН тут лежит, она и её дочери защищены. Она безутешно плакала при нем не только из-за более острого ощущения утраты, но и по многим, многим другим причинам: и по прекрасным, но суровым, полным предельного напряжения годам, прожитым с Петром; и от жалости к себе и девочкам; и для того, чтобы люди видели её горе, и для того, чтобы дать себе разрядку, и от ощущения облегчения и освобождения, которые, как ни чудовищно, она почувствовала сразу после ЕГО смерти... Наплакавшись и вернувшись в свои покои, царица обычно поминала супруга с кем-ни-

будь из приближенных. Постепенно за её столом стала собираться вполне внушительная кампания, и застолье стало растягиваться на более длительное время, а его тональность становилась мажорнее. Меншиков не осуждал нововведение, но и не задерживался на ежедневных поминках, однако, успевал заметить, что круг расширяется, причем довольно быстро. В траурной зале ему также бросились в глаза моменты, которые заставили его недоумевать, хотя и не слишком. Во-первых, он заметил, что, если зайти к Петру, когда там пребывает Екатерина, всегда встретишь двух молодых людей Сапегу и Левенвольде. Случалось бы это чуть реже, возможно, сиё и прошло бы мимо его внимания, но каждый раз!? Более того, без труда можно было пронаблюдать, что два юнца усердно бросают весьма выразительные взгляды на вдову-императрицу. И то было бы ничего, но присмотревшись светлейший заметил, что и царица из-под ресниц и сквозь слезы, нет-нет да поглядывает попеременно на обоих.

«Дело хозяйское, как говорится, – рассудил Александр Данилович, – но, раз Сапега старается и замечен, надо использовать момент и получить для него, да и для его батюшки чинов да наград. Ведь отставить его из женихов Марии я пока окончательно не решил!»

Вскоре Меншиков обнаружил, что и Сапега, и Левенвольде уже принимают участие в ежедневных поминках.

«Молодцы, не теряют времени даром, да и вдовушка наша – не промах, хотя последнее для меня не новость, – про-

должал наблюдать развитие событий князь. – Теперь Екатерина, небось, сама будет искать повод продвинуть своих новых друзей, что ж, я ей помогу».

Гораздо меньше Меншикову нравилось, что, кроме Сапеги и Левенвольде, с течением времени все больше молодежи из придворных бывает при гробе и все чаще мелькают одни и те же лица.

«Ну, что касается мелкоты, что в Елизавету влюблены, оно и понятно, где иначе они её теперь увидеть могут. А вот почто мои дети зачастили? Не ладно. Марии Сапега понравился сразу, как она его увидела взрослым, было очевидно, да и не удивительно, но неужели настолько? Ищет встречи, и где! Не ладно! Надо будет с Дарьей поговорить. Пускай займется детьми. Тем более, что мои новые планы в отношении Марии, с учетом последнего развития событий, только крепнут и растут, как на дрожжах, сами собой, – заключил Меншиков, очередной раз отсмотрев ту же картину. – Завтра, поутру, явлюсь к императрице и...» – проговаривать мысленно, что именно он собирается сделать, он не стал, ему было и так ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.